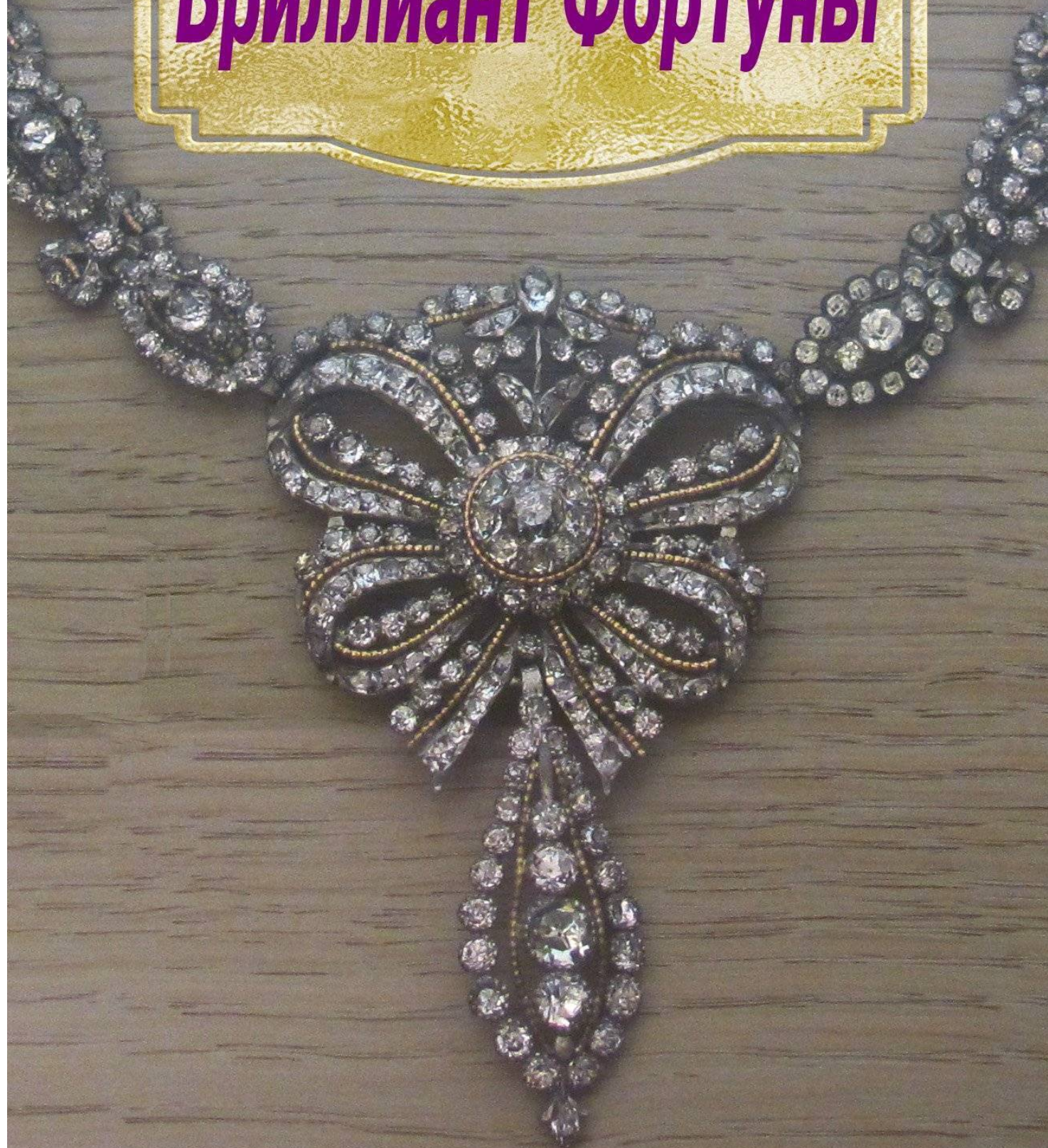

Валерия Вербинина
Бриллиант Фортуны

Адъютанты удачи

Валерия Вербинина
Бриллиант Фортуны

«Автор»

2011

Вербинина В.

Бриллиант Фортуны / В. Вербинина — «Автор»,
2011 — (Адьютанты удачи)

ISBN 978-5-699-51201-0

Секретный агент российского императора Алексей Каверин получил малоприятное задание: убить на дуэли назойливого поклонника великой княжны Александры Михайловны. Девушка уехала в Ниццу на лечение и позволила себе завести неподобающее знакомство. Каково же было удивление Алексея, когда во фрейлине княжны он узнал Полину Серову, коллегу по особой службе и вечную соперницу! Но это была не единственная неприятность: дуэль закончилась совсем не так, как планировал Алексей. Однако когда они с Полиной все же нашли способ избавиться от сомнительного ухажера княжны, их планы нарушил старый знакомый – знаменитый французский сыщик Видок. Он ищет драгоценности французской короны, пропавшие во время революции, и теперь Алексей с Полиной вынуждены помогать ему, ведь компрометирующие княжну письма находятся у Видока!

ISBN 978-5-699-51201-0

© Вербинина В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	8
Глава третья,	11
Глава четвертая,	14
Глава пятая,	18
Глава шестая,	24
Глава седьмая,	29
Глава восьмая,	34
Глава девятая,	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерия Вербинина

Бриллиант фортуны

Глава первая, в которой особый агент получает особое задание

Граф Чернышёв нервничал. Это состояние вовсе не свойственно военному министру, известному в свете своей выдержкой, но факт остается фактом: граф был беспокоен. Он ходил взад-вперед по своему кабинету, заложив руки за спину, и то и дело бросал взгляд на большие напольные часы, украшенные множеством затейливых фигурок. Вершковой толщины ковер скрадывал шаги, и монотонное тиканье часов – единственный звук, нарушавший тишину в кабинете. Сам кабинет обставлен с той нарочитой скромностью, которая при императоре Николае Павловиче стала считаться хорошим тоном. Массивный стол с множеством ящиков, несколько стульев с гнутыми ножками, пузатый приземистый шкафчик в углу да уже упомянутые часы – вот, пожалуй, и все. На противоположной от окна стене висел парадный портрет государя в мундире, ботфортах выше колен и белых лосинах. На руках – белые перчатки с крагами, слева на боку – сабля в ножнах. Голова слегка повернута вправо. Левая рука придерживает лежащий на столике шлем с двуглавым орлом. Поглядев на портрет, Чернышёв неожиданно обнаружил, что выпуклые глаза императора из-под высокого лба пристально следят за ним. Граф даже поежился, но тут часы заворковали нежную мелодию, которая означала, что настало десять. В то же мгновение растворилась входная дверь. Граф живо обернулся.

– Вызванный по вашему распоряжению господин Каверин прибыл, ваше превосходительство, – доложил вошедший адъютант.

Его превосходительство нетерпеливо махнул рукой.

– Немедленно пропустить!

Адъютант почтительно испарился, а его место занял загорелый, поджарый блондин в партикулярном платье, которое не слишком вязалось с его явно военной выправкой. Не предлагая своему посетителю сесть, Чернышёв молча изучал его. Лицо смелое, энергичное, ярко блестят серо-зеленые глаза. Нос тонкий, прямой, рот четко очерченный, а подбородок, пожалуй, таит излишнее упрямство. Несмотря на это, граф остался вполне доволен результатами осмотра. Он искренне считал себя неплохим физиогномистом и, наверное, не на шутку удивился бы, если бы ему заметили, что он упустил из виду самое главное качество вошедшего. А именно: Алексей Каверин был чертовски хорош собой, и любая женщина от Мадрида до Владивостока, не владея искусством чтения лиц, в первую очередь заметила бы именно это. Однако опытному царедворцу не было дела до подобных мелочей. Люди интересовали его только как орудия, подчиняющиеся или не подчиняющиеся его воле, и на своего посетителя он смотрел как на одно из таких орудий.

– Я рад, что вы вернулись с Родоса целым и невредимым, – сказал он. – Присаживайтесь, прошу вас.

Алексей сел. Он был готов к тому, что сейчас его начнут расспрашивать о последней миссии, которая оказалась на редкость опасной и в то же время на редкость скучной, как и подавляющее большинство секретных миссий. Граф Чернышёв тоже почувствовал, что надо поддержать беседу – хотя, по правде говоря, то, ради чего его подчиненный ездил на Родос, теперь волновало его меньше всего. Он даже хорошенько не помнил причину, по которой Каверин там оказался, – что-то связанное с турецко-греческими делами, но что именно, напрочь

вылетело у министра из головы. Тем не менее Чернышёв любезно улыбнулся и спросил первое, что пришло ему на ум:

– Как прошло ваше путешествие?

– Прекрасно, – ответил особый агент Алексей Каверин, почти не покрывив душой. В самом деле, за время, которое он провел на острове, его пытались убить всего пять раз.

– А сам Родос? Какого вы о нем мнения?

Алексей оживился. Он ожидал, что ему предстоит скучный разговор о политике, о том, как турки, которым тогда принадлежал остров, притесняют бедных греков, исконных обитателей, но граф, казалось, интересовался вовсе не этим.

– Смещение всех эпох и стилей, ваше превосходительство, – промолвил Каверин, блестя глазами. – Рыцарские крепости, и тут же рядом – мечети, руины католических соборов и православные церкви. А какая там природа! Вроде то же, что и у нас, но совсем другое! Если уж ромашки, то по пояс, и цвет у них иной. Розы величиной с арбуз, иголки у елок в ладонь длиной, а уж чертополох... – Алексей заулыбался при одном воспоминании. Он как раз собирался рассказать министру, как напоролся на чертополох, лазая по родосским горам, и так как это был добротный греческий чертополох с иголками в два дюйма величиной, то он искренне обрадовался встрече с Кавериним и сквозь одежду вцепился в его ногу, точь-в-точь как собака.

Однако, как оказалось, военный министр не был расположен слушать повесть о чертополохе.

– Что ж, великолепно, великолепно, – промолвил граф. – Итак, вы вернулись и снова поступаете в наше распоряжение. Надеюсь, вы хорошо отдохнули? – добавил он с любезностью, за которой могло скрываться что угодно.

– Наслаждаюсь уже третий день, – ответил Каверин спокойно. – Благодарю вас, ваше превосходительство.

Он с любопытством ждал продолжения, и оно не замедлило последовать.

– Это хорошо, – сказал Чернышёв. Он наконец вернулся за свой стол, сел и сложил руки. Кончики пальцев соприкоснулись. – Однако на государственной службе долго отдыхать не приходится, знаете ли.

Произнесено это было таким тоном, что Алексей сразу же понял: его свобода кончилась, так толком и не начавшись. Он насупился. Император с портрета сурово смотрел на него, призывая к порядку.

– Должен ли я понимать слова вашего превосходительства в том смысле, что... – начал Каверин.

– Именно так, Алексей Константинович, – с готовностью отвечал военный министр. – У нас имеется для вас совершенно особое поручение.

Яркий летний свет вливался в окно, и Каверин видел, как пляшут в нем невесомые золотые пылинки.

Куда же его пошлют на этот раз? В Персию? В Японию?

– Кажется, вы бывали во Франции? – спросил Чернышёв.

Алексей поднял голову.

– Так точно, ваше превосходительство. Два года назад.

– Вот и прекрасно, – закивал Чернышёв. – Тогда для вас не составит труда снова туда прокатиться.

Каверин воспринял слова его превосходительства как шутку, и притом довольно скверную. В эпоху, когда не было самолетов, а строительство железных дорог только-только началось, путешествия были вовсе не такими уж приятными, как мы привыкли воображать. Тряские экипажи, скверные дороги, а сколько проблем с одними лошадьми, не говоря уже о гостиницах, многие из которых отнюдь не являлись образцом чистоты и уюта! И хорошо, если на дороге не встретятся грабители, если в чистом поле вас не застигнет гроза, если кучер попа-

дется покладистый и знающий свое дело, если... Но тут император на портрете нахмурился столь грозно, что Алексей понял: ничего не поделаешь. Ехать так ехать, как сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки.

– Дело в том, – промолвил граф, как бы извиняясь, – что все ваши товарищи сейчас на заданиях, и так получилось, что только вы оказались свободны.

"Ну что мне стоило задержаться на три-четыре дня в Одессе», – мелькнуло в голове у Каверина, но вслух он, разумеется, сказал совсем иное:

– Располагайте мною, как сочтете нужным, ваше превосходительство.

Чернышёв одобрительно кивнул.

– Вот и прекрасно. Теперь, гм, относительно задания. Должен предупредить вас, сударь, дело весьма деликатное.

Каверин почувствовал кислый привкус во рту. Когда военный министр говорит особому агенту, что тот должен заняться чем-то деликатным, это не сулит решительно ничего хорошего. А Чернышёв меж тем продолжал, словно задавшись целью оправдать худшие ожидания подчиненного:

– Да, деликатное... и щекотливое... и совершенно особенное... Впрочем, об этом я, кажется, уже говорил.

Он умолк и строго поглядел на Алексея.

– Да, ваше превосходительство, – ответил тот. Надо же, в самом деле, что-нибудь сказать.

– Да, – успокоился Чернышёв. – И, разумеется, все должно храниться в совершенной тайне. Недопустимо, чтобы еще кто-нибудь прознал об этом.

Против воли Каверин почувствовал некоторый интерес. Что происходит, в самом деле? Что за поручение такое, которое граф никак не может высказать прямо, а только предостерегает да ходит вокруг да около?

– Я думаю, вы можете всецело на меня положиться, ваше превосходительство, – сказал Алексей.

Николай смотрел на него тяжелым взглядом, будто хотел сказать: да-с, сударь, знаю я, что вы прохвост, иначе вы бы нипочем здесь не оказались. Но делать нечего, придется-таки посвятить вас в суть, потому как остальные – еще большие прохвосты, чем вы.

– Мы с вами, милостивый государь, знакомы не первый день, – продолжал Чернышёв, – и я знаю, что вы умеете держать язык за зубами. Тем не менее должен напомнить: все сказанное мною должно остаться строго между нами. На этом я особо настаиваю.

– Я понимаю, ваше превосходительство.

– Иначе последствия могут оказаться совершенно непредсказуемыми для вас. Не забывайте об этом, Алексей Константинович!

Алексей терпеть не мог, когда ему угрожали, и даже когда угрожали военные министры державы, которая в данный момент играла одну из первых ролей в мире. Он считал, что за два года в особой службе зарекомендовал себя достаточно, чтобы ему не докучали напоминаниями, что хороший агент – в первую очередь тот, который умеет хранить тайны.

– Я бы все-таки желал, ваше превосходительство, – промолвил он, подпустив в голос вкрадчивости, – узнать, в чем состоит поручение, и, по возможности, поподробнее. Ведь мне как-никак придется его выполнять, – добавил он, мило улыбнувшись.

Граф передернул плечами. Он и сам был не рад, что пришлось затеять этот разговор, но дело совершенно очевидно не терпело отлагательства.

– Итак, Алексей Константинович, слушайте и запоминайте. Вы поедете во Францию с паспортом на свое имя. На юге Франции, в Ницце, находится вилла «Ла Вервен». На этой вилле...

Глава вторая, в которой Алексей разговаривает с портретом и получает от него на орехи

Кнут со свистом рассек воздух. Лошади тронулись, экипаж загромычал по петербургской мостовой.

– Н-но, родимые!

Каверин прислонился затылком к спинке сиденья и закрыл глаза. Стояло раннее утро 11 июня 1838 года. Вчера после разговора с министром он вернулся к себе и сразу же велел денщику Гришке укладывать вещи. Готовый пашпорт и дорожную принесли уже через несколько часов.

– До Одессы... А из Одессы – на корабле до Марселя...

Убаюканный покачиванием экипажа, Алексей дремал. Во сне перед ним проносились обрывки вчерашнего разговора с военным министром.

– На этой вилле живет одна высокая особа... Она поправляет там здоровье... Воздух юга Франции, как вам известно, весьма целебен для тех, кто болен легкими...

Особа... Особое поручение...

– Этой зимой ее высочество нехорошо себя почувствовали, и доктора, посоветовавшись, решили отправить ее в Ниццу. Его императорское величество не имел возражений...

– Не имел, – голосом Николая отозвался портрет на стене. Император шевельнулся, погладил лысину и подкрутил усы, после чего грозно прищурился на остолбеневших собеседников. – Ее мать меня уговорила, дескать, осталась единственная дочь, двое остальных умерли от чахотки... И я ее отпустил, а не следовало бы. Всем известно, что получается, ежели молодой девице восемнадцати лет от роду волю дать. Ничего хорошего, да-с! И вообще никому нельзя давать воли, потому что от этого начинаются все бедствия...

"Это сон, – во сне догадался Алексей и улыбнулся. – Конечно же, сон».

В реальности, однако, ему пришлось немало помучиться, прежде чем он сумел наконец выведать у графа Чернышёва имя «высокой особы».

– Как, разве вы не поняли, о ком я говорю? Александра Михайловна... Великая княжна, племянница императора... В январе следующего года должна состояться ее свадьба с принцем Кассельским. Этот брак призван укрепить наши дружественные отношения с Кассельским герцогством, и ничто не должно ему помешать. К несчастью, княжна повела себя легкомысленно...

Ага, сообразил Каверин. Наконец-то мы добрались до сути, хоть и с превеликим трудом.

– Как я уже упоминал, княжна выехала во Францию для поправки здоровья. Там она познакомилась с одним господином довольно туманного происхождения. Похоже даже, – Чернышёв опасливо покосился на портрет, – что она позволила себе... гм... увлечься им, и более, чем позволяют ее высокое положение и здравый смысл.

Та-ак... Знаем, знаем. Любви неведомы сословные предрассудки и так далее...

– Но для его императорского величества и для всего русского двора такое положение вещей совершенно недопустимо. К счастью, к великой княжне была приставлена некая ловкая особа, которая немедля известила нас обо всем. Как вы видите, дело и впрямь деликатное... и весьма щекотливое. Тут некоторым образом затронута честь самого императора, ведь наш союз с Касселем... оказался под угрозой из-за недостойной, скажем прямо, прихоти ее высочества.

В глубине души Алексей уже давно скучал. Стало быть, великая тайна, за разглашение которой ему всего каких-нибудь пять минут назад недвусмысленно пригрозили крепостью, заключается в том, что молодая девушка, племянница императора Николая, имела несчастье

полюбить человека, который не является принцем Кассельским. Но, черт подери, ей ведь всего восемнадцать... Если в этом возрасте нельзя любить того, кто тебе по сердцу, то когда же можно, в конце концов?

А Чернышёв все говорил и говорил, беспрестанно возвращаясь к тому, что уже было сказано, так что Алексей начал чувствовать себя словно заключенным в заколдованный круг повторяющихся слов. Если принц Кассельский узнает... (Даже во сне Каверин прекрасно понимал, что эта новость вряд ли обрадует принца, однако Чернышёв потратил на доказательство этой очевидной истины чуть ли не четверть часа.) Важность союза с Кассельским герцогством... Император недоволен... По его просьбе мать написала княжне, чтобы та не задерживалась во Франции, однако ответ дочери ее обескуражил. Неужели, писала она, ее родители хотят, чтобы она умерла, как прежде Ольга и Мари? К письму были приложены заключения трех докторов, настаивавших на том, что княжна должна провести в Ницце все лето и обязательно вернуться сюда на следующий год, иначе они ни за что не ручаются. Может быть, разглагольствовал Чернышёв далее, это обычная уловка... А может, и нет... Ведь у княжны и в самом деле слабые легкие. Но самая большая проблема – это все-таки не ее здоровье, а Эльстон.

– Я вам говорил, что ее... гм... поклонника зовут Эльстон?

Нет, Каверин слышит об этом впервые.

– Понимаете ли, Алексей Константинович... Тут есть еще один щекотливый момент. Все наши предположения основаны на сообщениях одной-единственной особы, проверить которые здесь, в Петербурге, у нас нет решительно никакой возможности. Предположим, что данная особа права и между Эльстоном и ее высочеством и впрямь что-то есть; ну а если все это вздор и выдумки? Отец девушки, великий князь Михаил, так прямо и заявил. Конечно, его дочь склонна к мечтательности, но все же не могла она забыться настолько, чтобы унизиться до... до какого-то шалопаю.

Каверину было что возразить на последние слова министра, но он благоразумно промолчал.

– Так что поневоле придется вам, голубчик, поехать в Ниццу и на месте проверить, что да как.

"И только-то?" – едва не вырвалось у Алексея.

– Разумеется, вы не можете просто так взять и нагряться, поэтому мы кое-что придумали. Вы представитесь племянником фрейлины Голиковой, Варвары Федотовны. Мы уже известили ее о том, что к ней скоро для поправки здоровья прибудет племянник, так что с этой стороны все должно сойти гладко.

– А фрейлина Голикова... – начал Каверин.

– Она находится во Франции вместе с великой княжной.

"И заодно пишет на нее доносы», – про себя добавил Алексей. А вслух сказал:

– Но я даже не знаю госпожу Голикову в лицо. Как же...

– Очень просто. – У Чернышёва вырвался сухой смешок. – Как только увидите уродливую старуху с тремя бородавками на лице, смело можете заключать ее в объятия и восклицать: «Вот и я приехал, chère tante!»¹ «А дальше уж ваше дело, как поступать. Я бы порекомендовал вам приглядеться к окружению княжны, особенно к ее личной прислуге. Слуги всегда все знают, и если между Александрой Михайловной и Эльстоном что-то есть, горничные наверняка должны знать.

– Пожалуй, я так и сделаю, – сказал Каверин, мгновение подумав. – Итак, мое поручение заключается в том, чтобы я установил, отвечают ли полученные вами сведения действительности. Я правильно понял, ваше превосходительство?

¹ Тетушка (франц.).

Граф Чернышёв прищурился. В его глазах неожиданно появилось какое-то новое, хищное выражение, и, заметив его, Алексей невольно насторожился.

– Нет, милостивый государь. Это еще не все. Вернее сказать, далеко не все. Видите ли, – военный министр сухо улыбнулся, – мы, собственно говоря, вызвали вас не потому, что вы понадобились нам как *espion*². Насколько я знаю, в полку вы были одним из лучших фехтовальщиков.

– Не одним из, а лучшим, – тихо поправил министра Алексей.

Чернышёв желчно усмехнулся.

– Вот-вот. Поручение ваше, Алексей Константинович, заключается в следующем. Вы придёте во Францию и устроитесь на вилле «Ла Вервен» под видом племянника Варвары Федотовны. Затем вы постараетесь выяснить, насколько далеко зашли отношения великой княжны и этого Эльстона. Если вам покажется, что они хоть на йоту перешагнули границу приличия, – повторяю, если даже вам *покажется*, а доказательств тому вы иметь не будете, – вы должны не колеблясь, под любым предлогом вызвать мсье Эльстона на дуэль и убить его.

Хотя Алексей за свою жизнь привык ко всякому, тем не менее он был ошеломлен столь неожиданным поворотом.

– То есть, если я...

– Полно, Алексей Константинович, – оборвал его граф. – Вы же все прекрасно понимаете. Честь императора – это и честь его семьи, и любое посягательство на нее должно быть немедленно наказано. Я ничего не знаю о мсье Эльстоне. Весьма возможно, что это вполне достойный человек, но если он и впрямь завлек княжну, то скандалу необходимо положить конец. Да, и если существуют какие-то доказательства их... кхм, симпатии, то вы обязаны разыскать их и доставить нашему послу в Париже, барону М. Я имею в виду письма, записки и подобные мелочи, которые чуть позже имеют обыкновение оказываться в самых неожиданных руках. Словом, вы обязаны сделать все возможное, чтобы до назначенной свадьбы, а желательно и после нее, на княжну не легло даже тени подозрения. Полагаю, вам ясно.

– Да, ваше превосходительство, – ответил Алексей.

У него было четкое ощущение, что в разыгравшейся любовной драме ему отведена самая мерзкая роль, но он не мог отказаться от данного поручения. Никто из особых агентов никогда не имел права говорить «нет». От них ждали только «да».

– Вот и славно, – проскрежетал со стены портрет. – Будешь хорошо себя вести, дам тебе пряник, а нет – получишь на орехи.

Алексей очнулся и в недоумении огляделся. Экипаж остановился на постоялом дворе, денщик Гришка возился с багажом. Рядом с их каретой оказалась другая, из которой как раз выходили двое пассажиров: толстощекая купчиха в капоре, с лентами, завязанными под подбородком, и ее дочка, прехорошенькая девочка с капризно надутыми губами.

– Вот непослушная, – укоризненно говорила мать. – Будешь хорошо себя вести, получишь пряник, а не будешь – отниму куклу. Не ребенок, а наказание божье, честное слово!

Наверное, девочку куда больше поразили последние слова, чем угроза. Так или иначе, но она тихо заплакала, размазывая слезы по щекам. Испытывая крайне тягостное ощущение, как всякий раз, когда хотелось вмешаться, но не было возможности, Каверин отвернулся. Спать ему больше не хотелось.

² Шпион (франц.).

Глава третья, в которой Алексей узнает от горничной все нужные ему сведения, а также встречается со своей тетушкой

6 июля 1838 года под крики чаек корабль «Дельфин» вошел в марсельский порт. На его борту находился человек с серо-зелеными глазами, которого сопровождал верный слуга. Оба имели все основания гордиться собой – ведь на путешествие ушло немногим более трех недель, что по тем временам являлось рекордом скорости.

На дорогу от Марселя до Ниццы – что-то около ста пятидесяти верст, или километров, – Алексей с Гришкой потратили еще три дня. Девятого июля Каверин с большим облегчением выбрался из дилижанса, который уже успел порядком ему осточертеть, велел денщику забрать вещи, которые умещались в одном маленьком чемоданчике, и зашагал по обсаженной пальмами пыльной дороге, в конце которой должна была находиться вилла «Ла Вервен».

Солнце светило так ярко, что слепило глаза. Ароматы тысяч цветов и трав сливались в единую упоительную симфонию запахов, и, вдыхая всей грудью воздух юга, Алексей думал, что в нем и вправду есть нечто целебное. Во всяком случае, сам он чувствовал себя превосходно.

Жужжали толстые мохнатые шмели, щебетали птицы, то и дело с цветов поднимались пестрые бабочки и, разбившись на пары, влюбленно кружили друг возле друга. Через сотню шагов Алексей обнаружил, что мир вполне приемлем, через две – что если где-то на земле есть рай, то лично он угодил прямо в его сердцевину. В груди волновались полузабытые чувства – восторг, умиление, счастье, которое охватывает человека, стоит ему попасть в приятное глазу место, где его на время отпускают обыденные житейские заботы, эти палачи наших будней. Каверин шагал вперед, почти позабыв о том, зачем приехал сюда, и сразу же за поворотом увидел дом. Тогда он сразу же вспомнил все.

Насупясь, Алексей глядел на виллу «Ла Вервен», как на врага. Обыкновенный желтый дом в два этажа, весь увитый плющом и фиолетовым вьюнком. Вокруг раскинулся обширный сад, который тоже не понравился Каверину. Сад, в котором росло множество самых разнообразных роз, был ухоженным, опрятным и... слишком искусственным, чтобы казаться частью рая. Слева между двумя деревьями, апельсиновым и гранатовым, были прилажены качели.

Потоптавшись на месте, Алексей двинулся вперед. Калитка была открыта, и душу агента сразу же кольнули нехорошие подозрения. Неспроста, ой неспроста она отворена для первого встречного. Интересно, а неведомый господин Эльстон часто ходит этим путем?

В саду никого не было, лишь монотонно трещали кузнечики, а один из них нахально скакнул через дорожку прямо перед Кавериним. Качели тоже пусты.

Алексей остановился, поглядел вправо, влево, и в этот миг из-за дома показалась хорошенькая горничная в простом белом платье и без туфелек, так что она шла босиком прямо по траве, минуя дорожки. Правой рукой горничная прижимала к груди охапку сиреневых колокольчиков и улыбалась той нежной, задумчивой улыбкой, которая бывает только у очень счастливых и очень чистых душой людей. Завидев незнакомца, за которым следовал его слуга, девушка замерла на месте, и улыбку тотчас сменило иное, настороженное выражение.

– Bonjour, mademoiselle³, – сказал Алексей по-французски.

– Bonjour, monsieur⁴, – ответила девушка, учтиво приседая. – Что вам угодно?

– Это вилла «Ла Вервен»? – спросил Каверин. – Я ищу свою тетушку, мадам Голикову. Девушка чуть склонила голову набок, изучая его.

³ Здравствуйте, мадемуазель (франц.).

⁴ Здравствуйте, сударь (франц.).

– Вы ее племянник? Ах да, я помню, она говорила, что вы, может быть, к ней приедете. Положительно, подумалось Алексею, Чернышёв прав. Нет на свете такой вещи, которую не знали бы горничные.

– Так она здесь? – спросил молодой человек. – Я был бы счастлив с ней встретиться. Мы с моей тетушкой давно не виделись, – добавил он, как будто извиняясь.

– Да, она здесь, – сказала девушка. – Я так думаю.

Она улыбнулась и посмотрела в лицо Каверину прямым, открытым взглядом. На вид горничная совсем юная – лет семнадцати или около того. Настоящая маленькая южаночка: темноволосая, светлоглазая, с вздернутым носиком, пухлым ртом и чуть оттопыренными ушками, отсвечивающими розовым. Заметив, что Алексей на них смотрит, она покраснела и стала накручивать на палец прядку, выбившуюся из прически.

– Может быть, – сказал Алексей, – вы ей доложите обо мне, мадемуазель?

– Доложу? Я? – поразила девушка.

– Ну да, – ответил Каверин, пожимая плечами, – а что тут такого?

– Действительно, – пробормотала девушка, глядя на него во все глаза. – Как вас зовут, мсье?

– Алексей Каверин.

– Алексей Каверин, – повторила она. – Хорошо, я запомню.

В следующее мгновение кузнечики замолчали, по земле побежали тени, солнце скрылось за облаком. Потому что в саду показалось новое лицо.

Этим новым лицом (которое с трудом могло сойти за таковое) была дама, давно распродавшаяся и со второй молодостью, и со средним возрастом. На ней было громоздкое бело-желтое полосатое платье на жестком корсете, который трещал при каждом ее шаге. Волосы дамы причесаны и напудрены а-ля Мария-Антуанетта, грудь возбужденно вздымалась, длинный бугристый нос торчал угрожающе, как гусарская сабля, а на щеке, на лбу и на подбородке примостились три огромные коричневые бородавки.

– О, ваше высочество, – кричала дама на бегу, – как вы могли уйти и оставить меня одну! Я так волновалась!

Визгливый высокий голос напоминал тот отвратительный звук, который раздается, если по стеклу с силой провести пальцем. Девушка побледнела и отступила назад.

– Не стоило так волноваться, Варвара Федотовна, – холодно промолвила она на чистейшем русском языке. – Кстати, я только что познакомилась с вашим племянником.

Варвара Федотовна застыла на месте, открыв рот.

– Моим племянником? Каким еще племянником?

– Вот этот мсье, – отозвалась девушка, кивая на Каверина. – Разве вы не узнали его?

– Ах, ну конечно же! – залепетало чудовище, молитвенно складывая свои маленькие скрюченные ручки. – Дорогой племянник!

– Алексей Каверин, – быстро сказал Алексей.

– Разумеется, Алексей! Как же я тебя ждала! Мой дорогой мальчик, как же ты вырос! Поцелуй же свою старую тетушку!

С большой неохотой Алексей взял маленькую ручку, напоминавшую клешню краба.

– Ах, ну что за церемонии, мы же родственники! – жеманно вскричала Варвара Федотовна и, обхватив его лицо ладонями, расцеловала в обе щеки.

– Простите, ваше высочество! Ко мне так редко навещают родственники! – Она приняла строгий вид. – Это ее высочество великая княжна Александра Михайловна, – громким шепотом сообщила она Алексею, – но вы, конечно же, прекрасно это знаете!

Алексей и так уже готов был провалиться под землю, но ему захотелось провалиться еще глубже, когда он услышал спокойный голос великой княжны:

– Мы уже знакомы, Варвара Федотовна. Должна сказать вам, что ваш родственник, – светлые глаза с негодованием смерили Алексея с головы до ног, – принял меня за служанку!

На уродливом лице Варвары Федотовны отразился самый настоящий ужас, отчего оно сделалось еще гаже (хоть это и казалось решительно невозможным).

– О боже! Ваше высочество! Ах! Но вы так добры, ваше высочество, вы ведь простите бедного юношу? Это с ним бывает, с тех пор как его ранили в голову на Кавказе. Сами знаете, как опасны подобные ранения! Умоляю, ваше высочество, не сердитесь на него! – плаксиво говорила фрейлина. – Он больше не допустит подобной оплошности, я сама, лично прослежу!

Мало того, что Алексея определили в племянники к столь омерзительному созданию, так в довершение всего «тетушка» объявила его чуть ли не умалишенным. Алексей стиснул челюсти, желваки запрыгали на его скулах.

Должно быть, он и впрямь выглядел довольно жалко, потому что княжна только поглядела на него и, не сказав ни слова, двинулась в дом.

Фрейлина посмотрела ей вслед, затем перевела взгляд на Алексея и укоризненно покачала головой.

– И опять где-то бродила босиком, – проговорила она вполголоса. – Ни к чему хорошему это не приведет, помяните мое слово.

Каверин не знал, что можно ответить, поэтому просто промолчал.

– Значит, вас прислал Чернышёв? – осведомилась старуха. – Ну что ж, спасибо, что подыскал мне такого привлекательного племянника. – Она тронула Каверина за рукав. – Идемте.

– Я думаю, – пробормотал Алексей, охваченный непривычным для него смущением, – после того, что случилось, княжне будет неприятно видеть меня в доме...

Голикова улыбнулась.

– Пустяки. Я давно предупредила ее, что вы, когда приедете, проживете какое-то время у нас, так что она привыкла к этой мысли. Иногда, не скрою, с ней бывает довольно трудно, но перечить мне она не смеет. Решено: вы остановитесь здесь. И кроме того, вам ведь нужно изучить обстановку, не так ли?

Ее глаза пытливо, по-женски оценивающе изучали Алексея, и он на мгновение почувствовал себя не в своей тарелке. Дело вовсе не во внешнем уродстве Голиковой и не в ее почтенном возрасте. Эта женщина обладала талантом внушать неприязнь к себе, но он никак не был связан с ее наружностью. Мысленно Каверин все же подыскал точное определение: старая змея и хамелеон в одном флаконе. Алексей достаточно знал жизнь, чтобы понимать, что такие женщины – едва ли не самые опасные. Тем не менее он заставил себя улыбнуться «дорогой тетушке».

– Наверное, вы правы, – сказал он вслух. – Ведите меня, Варвара Федотовна, я следую за вами. Гришка! Ну что стоишь? Неси вещи!

После ухода фрейлины из сада кузнечики вновь возобновили трескотню, цветы заблагоухали сильнее, а солнце выглянуло из-за туч. Впрочем, читатели вольны считать все это чистейшим совпадением.

Глава четвертая, в которой Алексей знакомится с подколодной змеей и убеждается, что мир еще более тесен, чем считается

Стараниями Голиковой Алексею отвели просторную комнату на первом этаже, где он смог переодеться с дороги, умыться и привести себя в порядок. Денщика Гришку поселили в боковом крыле, где проживали остальные слуги.

– Обед будет в четыре часа, – предупредила Алексея фрейлина. – Хотя я пыталась заставить княжну следовать этикету, но едят тут без всяких церемоний, а за стол приглашают кого попало. – Голикова поджала губы. – И еще эта вторая фрейлина, которая дурно влияет на ее высочество...

– Вторая фрейлина?

– О да, с виду такая милая особа, а на самом деле – подколодная змея. – Голикова поежилась. – Будьте с ней осторожнее, мне кажется, она подслана Эльстоном, чтобы окончательно скомпрометировать ее высочество.

– Если так, – хмуро заметил Алексей, которому происходящее нравилось все меньше и меньше, – вы обязаны были доложить кому следует и добиться устранения сообщницы.

– А вы думаете, я не писала в Петербург? – вскинулась старая дама. Бородавки на ее лице воинственно затрепетали. – Я извела уйму бумаги и в конце концов получила от графа ответ, что вторая фрейлина нравится ее высочеству, а никаких доказательств того, что она заодно с Эльстоном, у меня нет. Но моя интуиция говорит мне, что эта особа здесь не просто так! Она явно ведет какую-то свою игру! И она совершенно непозволительным образом влияет на ее высочество. Вы видели, в каком виде Александра Михайловна разгуливает по саду? Это все влияние второй фрейлины! В Петербурге великая княжна никогда, ни за что не позволила бы себе ничего подобного! А этикет? Во что превратился этикет? Княжна недопустимо им пренебрегает! Недавно к нам приезжал английский консул, так княжна велела ему передать, что нездорова и принять его не может. А в то же самое время они со второй фрейлиной гадали по картам на будущее и... и хохотали так, что было слышно даже в саду! Смеялись как... как какие-нибудь простолюдинки! Воспитанные люди не должны громко смеяться! Я уж не говорю о том, что...

И она пустилась излагать длинный перечень грехов второй фрейлины, которая мало того что змея, читает вольнодумные стихи и романы, не подходящими для чтения девицами, но также злоумышляет на жизнь Голиковой и даже однажды подложила ей в постель живую мышь.

– Вдруг вижу, что простыня шевелится! И из-под нее показывается... серая голова с усами! И с розовым носом!

Алексей попытался представить себе реакцию Варвары Федотовны, когда та увидела мышь, но тут его воображение с позором выкинуло белый флаг и капитулировало.

– Скажите, дорогая тетушка, – промолвил он, прерывая негодующие излияния Голиковой, – какого вы мнения об этом Эльстоне?

– Проходимец, каких свет не видел, – ни мгновения не колеблясь, ответила почтенная дама. – Впрочем, вы сами легко сможете составить о нем свое мнение. Он собирался навестить княжну сегодня, – добавила она многозначительно.

– Очень хорошо, – сказал Алексей. – А на будущее, если вам понадобится управа на эту вторую фрейлину, можете смело обращаться ко мне.

– О дорогой племянник! Я всегда знала, что могу на вас положиться!

Однако, когда Голикова наконец скрылась за дверь, Алексей, бог весть отчего, почувствовал облегчение.

Настоящая горничная, русоволосая француженка Жанна, принесла цветы и поставила их в вазу, смахнула пыль со стоявших в углу фарфоровых безделушек и, повернувшись к monsieur l'officier⁵, кокетливо спросила его, не может ли чем-нибудь еще быть ему полезной.

– Нет, мадемуазель, – ответил Алексей и вручил ей монету за труды. Девушка присела, стрельнула на прощанье глазами и исчезла.

В половине четвертого Алексей уже находился в гостиной. За минуту до того к дому подкатило щегольское тильбюри, и Каверину не терпелось увидеть лицо человека, которого ему, может быть, предстояло вскоре убить.

Подходя, он услышал два голоса. Один Алексей узнал сразу же – звонкий голосок великой княжны, которая говорила по-французски. Вторым был голос, показавшийся Каверину смутно знакомым. Молодой человек помедлил мгновение и широко растворил дверь.

Княжна Александра, в розовом платье и с белой розой в волосах, сидела на диване, а напротив нее, возле окна, стояла молодая особа с незабудковыми глазами, вертя в руках только что купленную шляпку и разглядывая ее со всех сторон.

– И я была без шляпы, – смеясь, закончила княжна, – представь себе! Без шляпы, как какая-нибудь крестьянка!

– Да, в Париже нам этого не простят, – вздохнула особа с незабудковыми глазами, поправляя ленточку на головном уборе. – И в Лондоне тоже. Что такое, княжна Александра ходит без шляпы? Какой афронт! Я уж молчу о том, какое волнение это произведет в Петербурге...

– О, пощади! – театральным тоном простонала княжна, молитвенно складывая руки. Судя по всему, девушки привыкли дурачиться от всего сердца.

– А Кассель наверняка потребует объяснений! – напирала девушка со шляпкой. – Как знать, может быть, они даже объявят нам войну? В конце концов, хоть какое-нибудь развлечение!

Ее смеющиеся глаза заметили застывшего в дверях Каверина, и на мгновение их выражение изменилось – но только на мгновение. В следующее мгновение в глазах этих уже не было ничего, кроме беззаботного веселья и живости, свойственной упоительной юности.

– Словом, неудивительно, что мсье принял меня за горничную, – сказала княжна, кивая на Алексея. – Вы ведь еще не знакомы? Мсье Алексей Каверин. Мадемуазель Полина Серова, моя, – она хотела сказать «фрейлина», но внезапно решила с некоторым вызовом в голосе проговорила: – Подруга.

Мадемуазель Полина Серова протянула лилейную ручку мсье Каверину, который поцеловал ее, неловко поклонившись. Вообще в облике особого агента в эти минуты произошла разительная перемена: он вдруг сделался неуклюж, застенчив и даже самую малость одеревенел, словно встретил кого-то, кого вовсе не ожидал.

– Мы не встречались с вами прежде, сударь? – светским тоном осведомилась вторая фрейлина, она же подколотная змея и зловередная особа, подбрасывавшая мышей в постель почтенной госпоже Голиковой.

– Не думаю, сударыня, – сухо отозвался Алексей. – Иначе я бы непременно запомнил столь очаровательную даму, как вы.

Однако стоило княжне для чего-то отлучиться из комнаты, как он тотчас повернулся к Полине и прошептал:

– Что вы тут делаете, Полина Степановна?

Полина Степановна в ответ выгнула бровь и многозначительно улыбнулась.

– А вы? – вопросом на вопрос ответила она.

– Я по службе! – сердито ответил Каверин.

⁵ Господину офицеру (франц.).

– Я тоже, сударь, – хладнокровно ответила Полина, надевая шляпку и вертясь перед зеркалом.

– Но граф Чернышёв мне ни слова о вас не сказал!

– Мне о вас он тоже ничего не сообщал, кстати сказать, – парировала собеседница. – У особой службы потрясающий талант хранить секреты даже от своих собственных людей, вы не находите?

И особые агенты номер один (Алексей) и номер два (Полина) уставились друг на друга, как две рассерженные кошки, столкнувшиеся на территории, которую каждая из них считала своей.

– Вы здесь из-за Эльстона? – напрямик спросил Алексей.

– Нет, – безмятежно ответила Полина, – меня попросили составить компанию великой княжне, чтобы ей не было скучно, и писать независимые отчеты о ее здоровье для отца и дяди. Вы же знаете, какое значение имеет наш союз с Касселем, так что было бы огорчительно, если бы с невестой накануне свадьбы случилось что-нибудь серьезное.

– И ради этого вы так раздражили первую фрейлину, что она слала в Петербург депешу за депешей, чтобы вас убрали?

– Меня определили к княжне Александре накануне ее отъезда, – спокойно отозвалась Полина. – Вполне естественно, что княжна мне не доверяла – она меня совсем не знала. Но, по-моему, я сумела хорошо себя зарекомендовать. – Незабудковые глаза засияли.

– У вас могут быть неприятности, Полина Степановна, – сказал после паузы Алексей. – Вы использовали... э... не вполне дозволенные методы.

– Если бы я целыми днями слонялась с кислым лицом и читала княжне нотации, как мадемуазель Голикова, то я бы никогда не смогла стать для ее высочества своим человеком. Зато теперь я знаю о ней все, и она ничего от меня не скрывает.

– А Эльстон?

– Что Эльстон?

– Между ними есть что-нибудь?

– Вы задаете пошлые вопросы, милостивый государь, – холодно промолвила Полина. – Если речь идет о том, потеряла ли княжна из-за него голову, то я отвечу – нет. Она общается с ним, и его общество ей нравится. Это все, что она себе позволяет, и не надо устраивать трагедию.

Алексей вздохнул и потер рукой лоб. В прошлом они с Полиной работали вместе, и его так и подмывало сказать, что вся эта история вполне может окончиться трагедией – для Эльстона. Только инстинкт особого агента – не говорить лишнего ни при каких обстоятельствах – удержал его.

– Боюсь, Полина Степановна, вы не совсем представляете себе важность происходящего, – проговорил он наконец.

– Боюсь, Алексей Константинович, вы изволите говорить сущую чепуху. – Незабудковые глаза сверкнули так, что собеседник Полины даже малость опешил. – Когда она приехала сюда, она кашляла кровью и думала только об одном: о смерти. Все ее близкие были далеко и не могли ей помочь, но потом доктора и местный климат сделали свое дело, и она пошла на поправку. Теперь ей просто хочется пожить для себя, немного подышать полной грудью, хоть чуть-чуть отдохнуть от двора, обязанностей и лицемерия. Я сумела показать ей, что мир не похож на казарму, ограниченную этикетом, как этого хотелось бы Варваре Федотовне. Эльстон показал ей, что, кроме жениха, которого она только раз видела в детстве, существуют и другие мужчины. Это не значит, что она забыла правила этикета или предала интересы семьи. Не знаю, зачем вы сюда приехали, Алексей Константинович, и, по правде говоря, не хочу знать, но лучшее, что вы можете сделать, – это оставить ее в покое.

Алексей помрачнел. В глубине души он не мог не признать: Полина, как всегда, права с чисто человеческой точки зрения. Однако граф Чернышёв тоже по-своему прав, пусть даже только с точки зрения государственной. В планах российской державы княжне Александре Михайловне отведена совершенно определенная роль, и никакие отступления не допускались.

– Но если этот мсье Эльстон ее компрометирует...

– С чего вы взяли, что он ее компрометирует? – поморщилась Полина. – С того, что он иногда навещается на виллу? Ну так не он один сюда приглашен. Сегодня за обедом, к примеру, будут еще знаменитый ботаник Антонен Сорель и доктор, и это не считая нас с вами. Я уж молчу, – добавила она, усмехаясь, – что стараниями Варвары Федотовны княжна и Эльстон никогда не остаются одни.

Алексей заколебался. Уверенность, с которой говорила Полина, заронила в его душу сомнение. В конце концов, княжна прекрасно воспитана, и, будь она хоть сто раз молодой девушкой, которая недавно перенесла тяжелую болезнь, не может быть, чтобы она так забылась. Кроме того, она называла Полину своей подругой, а уж кому, как не подруге, знать о ней все?

Так что же, его миссия – выяснить, есть ли что-то между княжной и Эльстоном, и в случае необходимости уничтожить последнего – является только следствием неумеренной фантазии госпожи Голиковой? Может быть, старая дама вообще придумала всю эту историю только для того, чтобы избавиться от второй фрейлины, не подозревая, что та подслана особой службой?

И Алексей дал себе слово во всем как следует разобраться, прежде чем предпринимать какие бы то ни было действия.

«Впрочем, – сказал он себе, – скоро я увижу мсье Эльстона. Вот тогда и смогу составить представление, кто именно говорит мне правду, а кто лжет».

И, успокоив себя этим соображением, особый агент номер один предложил Полине руку, чтобы вести ее на обед.

Глава пятая, в которой Полина швыряется вазами и выводит кое-кого на чистую воду

Стол поставили прямо на террасе, с которой открывался великолепный вид на море. Всего за трапезой оказалось семь человек: великая княжна Александра Михайловна, знаменитый ботаник мсье Сорель, Варвара Голикова, ее «племянник» Каверин, Полина, доктор Лабрюни, наблюдавший за здоровьем княжны, и, наконец, мсье Родольф Эльстон, чрезвычайно привлекательный молодой человек с обворожительными манерами и приятным смехом.

Алексею представили тех, кого он еще не знал, – маленького вертлявого доктора, Эльстона и ботаника, который оказался совершенно седым горбатым человечком в очках. Знаменитый ученый поселился неподалеку от виллы «Ла Вервен», собираясь изучить местные разновидности камелий, и счел своим долгом отдать визит вежливости соседям.

– Счастлив познакомиться с вами, мсье Сорель, – сказал Алексей, кланяясь. Он не питал иллюзий относительно человеческого рода, но ученые все же представлялись ему людьми совершенно особенного склада.

– О, я-то счастлив вдвойне, – ответил Сорель добродушно.

За столом говорили в основном Эльстон, Полина, доктор и княжна. Варвара Федотовна и ученый лишь изредка вставляли реплики, а Алексей и вовсе молчал. Он наблюдал, сопоставлял и делал выводы. От него не укрывалось внимание, с каким Александра Михайловна слушала самые незначительные реплики Эльстона, и то, как оживленность на ее лице неизменно сменялась чопорностью, стоило кому-нибудь другому – даже Полине – вмешаться в разговор. Самого Алексея княжна избегала даже касаться взглядом.

«Ну конечно же, – думал он, – я невольно оскорбил ее, задел ее гордость, и теперь она меня видеть не желает. Если бы она знала, зачем меня прислали сюда, возненавидела бы меня еще больше».

Что касается Эльстона, то Каверин быстро составил о нем определенное мнение. Этот элегантный черноволосый господин с маленькими щегольскими усиками – приторный учтивый фат, настоящий продукт парижских салонов, человек безусловно светский и, скорее всего, не мыслящий себя вне большого света. Он явно видел, что княжна им увлечена, и это, по видимому, ему льстило. О последствиях он вряд ли задумывался.

Беседа меж тем текла своим чередом, и в ней причудливо перемешались местные новости, погода, великолепные розы в саду, которыми Сорель искренне восхищался, анекдоты остряка доктора и последние литературные новинки. То и дело в разговоре всплывали имена Ламартина, Готье, Жорж Санд и Альфреда де Виньи.

– А вы, мсье, какие стихи предпочитаете? – вдруг обратилась княжна к Алексею.

Вопрос прозвучал неожиданно, но тем не менее Каверин ответил:

– Господина Пушкина.

Эльстон слегка приподнял брови, услышав незнакомое имя.

– Неужели «Сказку о рыбаке и рыбке»? – притворно ужаснулась княжна.

– Нет, – ответил Алексей, сделав вид, что не заметил колкости, – о царевне Лебеди.

Ему показалось, что княжна немного смутилась, но тут весьма кстати вмешалась Полина.

– Вы к нам надолго? – спросил Эльстон у Каверина, когда принесли десерт.

Особого агента так и подмывало ответить: «Ненадолго, только прикончу тебя и вернусь», но он, разумеется, благоразумно удержался.

– Еще не знаю. Я, собственно, прибыл, чтобы поправить здоровье.

– Застарелое ранение? – осведомился Эльстон с видом знатока.

– В некотором роде.

– Мой племянник воевал на Кавказе, – вмешалась Варвара Федотовна, хотя ее никто об этом не просил.

– Я слышал, там русским войскам приходится несладко, – заметил Эльстон.

– А у вас есть награды? – спросила княжна.

Алексей улыбнулся. Разговор начал его забавлять.

– Нет, ваше высочество.

– Племянник, ты слишком скромн, – заметила Варвара Федотовна. – Я точно помню, что государь отметил твои подвиги в особом приказе.

– Не думаю, что княжне это так интересно, – ответил Алексей.

– Я, собственно, тоже прибыл сюда для поправки здоровья, – сказал Эльстон. – Ницца – прелестный городок, хотя летом он слишком... сонный.

Произнося эти слова, он улыбнулся княжне, и она ответила ему улыбкой, красноречиво говорящей: да, сонный-то сонный, но нам с вами это совершенно безразлично.

«Нет, Полина неправа, между ними определенно что-то есть, – угрюмо думал Алексей. – Чувствую я, придется мне все-таки выполнить неприятное поручение... и отправить мсье Эльстона на небеса. Ох, до чего же все скверно, в самом деле».

– Развлечений у нас немного, – меж тем продолжал Эльстон. – Изредка – балы, вечера, у полковника Вадье играют в карты. Вы играете в карты?

– Иногда.

– Если хотите, я познакомлю вас с полковником. Завтра вечером вас устроит?

– Сочту за честь, – ответил Алексей.

– Только не ставьте помногу, сударь, – вмешалась Полина. – Полковник – весьма опытный игрок.

Алексей молча поклонился, показывая, что принял предостережение к сведению.

– В вашем саду великолепные розы, – снова, в который раз, заметил Сорель. – Лично я придерживаюсь мнения, что лучшего цветка на свете нет.

– Что касается меня, то лично я вижу кое-что куда лучше роз, – объявил Эльстон, улыбаясь.

– Вы разумеете вид на море, сударь? – с обманчиво простодушным видом осведомилась Полина.

Княжна порозовела и опустила глаза.

– Не только, – отозвался Эльстон.

– От шума моря у меня болит голова, – пожаловалась Варвара Федотовна. – И вообще я предпочитаю спокойную воду, озеро например.

Доктор тотчас рассказал подходящий к случаю анекдот, над которым все ужасно смеялись, пока он звучал, и из которого впоследствии не могли вспомнить почти ничего, как ни старались. Кажется, присутствовал некий больной, озеро и то ли русалка, которая кому-то померещилась, то ли просто рыба... Но было смешно, и было хорошо, и всем сделалось жаль, когда настало время подниматься из-за стола.

В коридоре Алексею повстречалась Жанна. Она улыбнулась Каверину, но он, занятый своими мыслями, даже не заметил ее. Душу жгла невольная обида.

«Читаете Пушкина? «Сказку о рыбаке и рыбке»?»

«Конечно, ей можно безнаказанно измываться над людьми. Как будто у меня в жизни только и дел, что читать приятные книжечки».

Он сознавал, что это смешно – дуться на шпильку юной девушки, но ничего не мог с собой поделать. Поэтому он не спустился в сад, где собрались хозяйка и гости, а остался в гостиной, разглядывая картины на стенах, и даже не обернулся, когда за дверью раздались легкие шаги. В комнату заглянула Полина.

Алексей насторожился – ему показалось, что она хочет что-то сказать, но не решается.

– В этом доме, – промолвила она рассеянно, рассматривая пестрые розы в большой аляповатой вазе, – решительно творятся странные дела.

– Вы об Эльстоне? – быстро спросил молодой человек.

– А? Нет, я вовсе не о нем.

В следующее мгновение она схватила вазу и что было сил запустила ею в почтенного мсье Сореля, который только что показался на пороге гостиной.

Признаться, Алексей ожидал от своей знакомой – довольно-таки непредсказуемой особы, по правде говоря, – чего угодно, но только не этого. Молодой человек опешил, остолбенел, оторопел и попросту растерялся. Однако почтенного ученого дикая выходка Полины, казалось, отнюдь не застигла врасплох. Так или иначе, он проявил изумительную быстроту реакции: отскочил, распрямился, на мгновение словно став выше ростом, и на лету перехватил пущенную вазу. Вода с громким хлопанием перелилась через край и выплеснулась на ковер.

– Полина Степановна! – возмутился Алексей. Однако она не обратила на его негодование ни малейшего внимания.

– Мсье Видок, – притворно сладким голосом осведомилась Полина, уперев в бок кулачок и сверкая в сторону седовласого горбуна незабудковыми глазами, – могу ли я спросить, что вы делаете в этом доме?

Алексей вытаращил глаза. Молчание, наступившее в комнате, можно было с полным основанием сравнить с затишьем, которое наступает перед бурей.

– Видок? – пролепетал Каверин. – Как? Что? Где?

– Вдвойне счастлив познакомиться с вами! – объявил знаменитый ботаник Сорель обычным хрипловатым голосом Видока, ухмыляясь во весь рот. После чего отвесил ошарашенным агентам преувеличенно низкий поклон и осторожно поставил вазу на стол.

– Я был совершенно уверен, – сокрушенно продолжал он, поворачиваясь к Полине, – что вы меня не раскусите. На этот чертов грим я убил уйму времени, продумал все до мелочей! Даже он, – Видок подбородком указал на ошеломленного Алексея, – не признал меня, когда столкнулся со мною нос к носу! Нет, вы можете мне объяснить, мадемуазель, что меня выдало?

– Я уже говорила вам, сударь, что не запоминаю лица, – заявила торжествующая Полина. – Я смотрю только на глаза, а еще – на руки. Вот они способны рассказать о человеке все, что угодно.

– Мсье Видок, – Алексей повысил голос, – что вы здесь делаете?

Ботаник Сорель, он же Эжен-Франсуа Видок, бывший каторжник, бывший грабитель, бывший начальник французской полиции, а также человек, ставший прототипом множества любопытных персонажей французской литературы – от Вотрена в книгах Оноре де Бальзака до Вальжана и Жавера в «Отверженных» Виктора Гюго – только укоризненно нахмурился.

– Потихе, прошу вас, потихе, – произнес он скучным голосом. – Мое имя, как и имя господина, не стоит лишней раз произносить всуе.

– Знаете, сударь, – не удержалась Полина, – что мне всегда в вас нравилось, так это ваша поразительная скромность.

– Таков уж я, – просто ответил Видок. – Но что же вы стоите? Садитесь, прошу вас.

Рассудив, что стоять и в самом деле нет смысла, агенты сели. Впрочем, Видок опустился в кресло еще прежде них.

– Прекрасная погода, – заметил он тоном светского завсегдатая. – Именно то, что надо, для некоторых видов роз, особенно...

– Мсье Видок, – прервал его Алексей, – я никогда не поверю, что вы находитесь здесь только потому, что вам взбрело в голову полюбоваться на местные розы.

– А вы? – в тон ему ответил Видок. – Что *вы* тут делаете?

Вопрос застал Каверина врасплох.

– Это вас не касается, – ответила за него Полина.

– А почему вы думаете, что вас касается то, чем занят я? – осведомился Видок спокойно. Агенты обменялись быстрым взглядом.

– Я приехал навестить свою тетушку, – выдавил из себя Алексей, надеясь, что его щеки не покраснеют, когда он произнесет эту ложь.

Видок заинтересованно прищурился.

– Позвольте, это кого же? Мадам Барбара Голикофф? И вы всерьез хотите меня уверить, что она ваша тетка?

– А почему бы и нет?

– Ну, тогда, наверное, ваш дядюшка – крокодил из королевского зоопарка. Эта версия ничуть не хуже, чем мадам Барбара в качестве тетушки, и если уж выбирать между ней и крокодилом, то последний куда приятней на вид.

И, сразив противников наповал этим убийственным доводом, Видок широко ухмыльнулся.

– Знаете, мсье Видок... – сердито начала Полина.

– Мсье Сорель, пожалуйста.

– Хорошо, мсье Сорель. Я вполне могу допустить, что вам не нравится госпожа Голикова, но у вас нет никаких оснований...

– Гм, – сказал Видок, пристально изучая лепнину в углах потолка. – Помнится, когда мы встречались с вами в прошлый раз, ваш друг как-то обмолвился, что он круглый сирота и у него отродясь не было ни дядюшек, ни тетушек. Что, положение с тех пор переменялось?

– Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, – быстро ответил Алексей.

– Значит, все-таки не переменялось, – сделал вывод Видок. – Кстати, насчет меня вы тоже оказались правы. Любовь к цветам – это так, предлог, чтобы беспрепятственно приходить на виллу.

– Мы и не сомневались, – заметила Полина, пытливо глядя на бывшего каторжника.

– Строго между нами, – доверительно промолвил Видок, понизив голос. – Я ненавижу цветы и все, что лезет из земли. Когда я представляю, как буду лежать в могиле, а из меня будет расти всякая дрянь, мне становится не по себе.

– По-моему, у вас просто слишком живое воображение, мсье... Сорель.

– Да? А все мои знакомые писатели в один голос твердили мне, что воображения у меня как раз и не хватает. Спасибо, мадемуазель, что вы думаете иначе, чем они. – Видок слегка переместился в кресле. – Надеюсь, вы по старой дружбе не выдадите меня, потому что, признаюсь, это здорово усложнило бы мне жизнь.

– Если это дело связано с великой княжной... – начала Полина.

– С *princesse Alexandra*⁶? Ничуть. Нет, меня куда больше интересует ее горничная.

– Жанна? – удивился Алексей.

– Именно. Жанна Лагранж. Мне надо порасспросить ее кое о чем, но никак не представится удобного случая.

– И о чем же именно вы хотите ее расспросить?

Видок улыбнулся.

– Уж, конечно, не о том, какие фасоны платьев предпочитает ее хозяйка. Нет, меня интересует дед Жанны. Его звали Симон Брюле.

– Зачем же он вам понадобился? – спросила Полина, буравя его недоверчивым взглядом.

– Помните, я рассказывал вам, для чего меня нанял король Луи-Филипп?

– Помню. Он хотел, чтобы вы нашли сокровища Бурбонов, которые пропали во время революции много лет назад.

⁶ великой княжной Александрой (франц.).

– Да. Кража произошла 17 августа 1792 года. Большинство драгоценных камней с тех пор переменили названия и хозяев. «Большой синий алмаз» купил банкир Хоуп, «Санси» неведомо как оказался у вашего соотечественника Демидова. Однако некоторые камни не разысканы до сих пор, и король пожелал, чтобы я попытался вернуть в сокровищницу хотя бы их. Ведь это были совершенно уникальные, неповторимые драгоценности, равных которым нет в мире.

– Понятно. А каким образом дед Жанны оказался связан с этой кражей? – поинтересовался Алексей.

– Самым непосредственным, – ухмыльнулся Видок. – Он был одним из грабителей.

– Ах вот оно что, – протянул молодой человек. – Но, если там были такие уникальные драгоценности, как получилось, что его внучка служит простой горничной? Ведь если дед сорвал такой куш...

– Сорвать – это одно, – ответил Видок, – а удержать – совсем другое, не забывайте об этом.

– Полагаю, вы правы, – заметила Полина. – А почему вы не попробуете расспросить самого Симона Брюле? Почему вам понадобилась именно его внучка?

Видок искоса поглядел на нее.

– Боюсь, мне не удастся, – промолвил он. – По той простой причине, что Симона Брюле убили в 1822 году. После той знаменательной кражи он залег на дно и даже сменил фамилию на Лагранж, но тем не менее кто-то сумел его найти. Может быть, это связано с драгоценностями, а может, и нет. Чтобы узнать это наверняка, мне необходимо разговаривать Жанну, а Жанна, должен вам сказать, отчего-то на дух меня не выносит. Я попробовал подступиться к ней и так, и этак, даже напросился сегодня в гости к хозяйке, но горничная все равно знать меня не желает. В сущности, это вполне понятно. Кто я для нее, в конце концов? Скучный старик, который только и знает, что твердить о цветах. Вот если бы вы согласились помочь мне...

Алексей уже догадался, что речь Видока рано или поздно закончится именно этим предложением, поэтому ему даже не надо было времени, чтобы раздумывать. Он решительно покачал головой.

– Нет, мсье, – сказал он. – Боюсь, это совершенно невозможно.

– Неужели? – сердито спросил Видок. – Но в этом нет ничего особенного. Если бы вы согласились...

– Нет, мсье Видок, я не пойду на это. Прошу меня извинить, но то, чем вы занимаетесь, это ваше дело, и оно меня не касается. Я не стану помогать вам.

Видок пристально поглядел на него и, поняв, что настаивать бесполезно, повернулся к молодой женщине.

– Мадемуазель Полина! – жалобно простонал старый плут, вмиг преображаясь в пресмыкающееся, умоляющее, хнычущее существо, способное растопить любое сердце. – Раз уж вы живете в этом доме... может быть, хоть вы согласитесь помочь бедному, несчастному, старому человеку... тем более что вы только что швырнули в меня вазой, а это нехорошо, ей-богу, жестоко с вашей стороны!

– Мсье Видок, вы были с нами откровенны, и я буду откровенна с вами, – сказала Полина, поднимаясь с места. – Послушайте доброго совета, забудьте о Жанне Лагранж и об этом доме.

Видок нахмурился, на его лбу прорезались широкие продольные морщины.

– Вы мне не верите? – спросил бывший каторжник. И, хотя он изо всех сил пытался не обнаружить свои истинные чувства, Алексей понял, что он не на шутку задет.

– Полагаю, мы достаточно знаем друг друга, чтобы не ставить вопрос о доверии, сударь, – сухо сказала Полина. – Иначе вы рискуете услышать положительный ответ.

– Вы, сударь, человек изобретательный, – добавил Алексей, – и мы вряд ли сумеем проверить, говорите ли вы нам правду или то, что скрывает ваши истинные намерения. А так как в

этом доме живет родственница его императорского величества, я полагаю, вам действительно лучше держаться от него подальше.

Видок вздохнул и пожал широкими плечами.

– Что ж... В сущности, я вряд ли мог ожидать от вас иного.

Он поднялся с кресла, отвесил глубокий поклон и, вновь превратившись в мирного ученого Сореля (при этом Полина воочию увидела, как их собеседник словно стал меньше ростом и у#же в плечах), шаркающей походкой скрылся за дверью.

Глава шестая, в которой тетушка открывает глаза племяннику на истинное положение вещей

Вечером того же дня Алексей Каверин лежал в своей комнате, закинув руки за голову, и размышлял. Размышлял он о многих вещах – о том, есть ли что-то между великой княжной и Эльстоном, о Полине и ее новой роли фрейлины, о неожиданном появлении Видока и о том, что тот предпримет теперь, получив отказ помочь ему. Кто-то еле слышно поскребся в дверь.

– Entrez!⁷ – крикнул Алексей.

Он думал, что это будет миловидная русоволосая Жанна, та самая, кого Видоку будто бы до зарезу нужно было разговорить, но вместо горничной вошла рассыпчатая фрейлина, приставленная надзирать за там, чтобы Александра Михайловна вела себя благонаравно и не выходила за рамки приличий.

– Вы лежите? Ничего, ничего, не вставайте...

Алексей сумрачно поглядел на нее. Варвара Федотовна улыбалась какой-то хитренькой, неприятной, заискивающей улыбкой, отчего ее лицо казалось еще более отталкивающим, чем обычно. «Что там Видок говорил про крокодила?» – смутно подумалось Каверину. Тем не менее он сел на диване и быстро пригладил растрепавшиеся волосы.

– Простите, Варвара Федотовна, я устал, и потом эта дорога...

– Я все понимаю. – Она села на стул возле него и легонько дотронулась своей клешней до его руки. – Не стоит извиняться.

– Этот... – внезапно спросил Алексей, – ботаник уже ушел?

– Мсье Сорель? Да. Занятный человек, не правда ли? Жаль только, что он ни в чем не разбирается, кроме своих цветов.

«Ну в этом, положим, вы совершенно заблуждаетесь», – подумал молодой человек.

– Я думала, вам будет интересно узнать, – после небольшой паузы сообщила Голикова, – что мсье Эльстон и ее высочество уехали кататься на лошадях.

– Одни? – быстро спросил Алексей.

– Нет. С ними эта... вторая фрейлина и Жермен, один из наших слуг. – Судя по тону Голиковой, она скорее удавилась бы, чем назвала Полину по имени.

– Понятно. – Каверин потер лоб, думая, какой бы еще вопрос задать. – Простите меня за откровенность, Варвара Федотовна, но... Ее высочество часто бывает одна?

– Никогда, – убежденно ответила фрейлина. – Я, вторая фрейлина или кто-то из слуг всегда находится поблизости.

«То ж самое мне говорила и Полина. Но тогда... Тогда и поводов для беспокойства нет», – подумал Алексей.

– Однако ее высочество подозрительно часто выезжает с этим Эльстоном, – продолжала Варвара Федотовна. – Могут пойти толки...

– Разумеется, – поспешно сказал Каверин. – Ну а сам Эльстон? Что вы можете о нем сообщить? Из какой он семьи, кто его родные?

Голикова недовольно повела плечами.

– В том-то и дело, сударь, что здесь решительно ничего не понятно. По его собственным словам, мсье Эльстон происходит из Австрии. Но, – многозначительным шепотом прибавила фрейлина, – когда я заговорила с ним по-немецки, он не понял ни слова, а потом заявил, что у меня ужасное произношение.

⁷ Войдите! (франц.)

– Австрийская империя весьма обширна, – заметил Алексей. – Может быть, он чех, или венгр, или ломбардец?

И Чехия, и Венгрия, и Северная Италия с городом Миланом в ту пору принадлежали Австрии.

– Итальянец с фамилией Эльстон? – фыркнула Голикова. – Не смешите меня, сударь! Алексей еще немного подумал.

– В городе о нем говорят что-нибудь?

– Ничего такого, что было бы нам интересно. Он явно обеспечен, живет на отдельной вилле по соседству с «Ла Вервен», но держит одного слугу, который ухлестывает за Жанной и то и дело носит ей записочки.

– Жанна – горничная ее высочества?

– Именно так, Алексей Константинович.

Положительно, едва ли не все в этом доме вертелось вокруг горничной.

– Хотел бы я взглянуть на эти записочки, – пробормотал Алексей с улыбкой.

Он произнес эти слова без всякой задней мысли, но Варвара Федотовна повела себя очень странно. Она сказала «гм», поднялась с места, выглянула за дверь, после чего тщательно закрыла ее и обернулась к Каверину, который не без удивления наблюдал за всеми этими приготовлениями.

– Теперь я вижу, что в Петербурге не ошиблись, послав вас сюда, – сказала омерзительная старуха, распялив рот в самой сладкой улыбке. – Держите.

И она извлекла из складок своей юбки небольшой сверток, который протянула Алексею.

– Что это? – спросил молодой человек в удивлении.

– Письма Эльстона княжне, – с готовностью отвечала фрейлина. – Которые она посылает через горничную, изображающую любовь к слуге Эльстона. Вы ведь сразу об этом догадались, да?

И она торжествующе поглядела на него.

– Но Полина... я хочу сказать, вторая фрейлина... – Алексей не мог опомниться от изумления. – Она уверяла меня, что между княжной и Эльстоном ничего нет!

– Вторая фрейлина знает ее высочество всего несколько месяцев, – заявила Голикова. – А я – с самого детства. Это всегда был скрытный, упрямый, своевольный ребенок. Вторая фрейлина уверена, что у ее высочества от нее нет тайн, только потому, что она понятия не имеет об истинном характере Александры Михайловны.

Алексей молча переводил взгляд с Голиковой на сверток и обратно.

– Могу ли я поинтересоваться, где вы достали эти письма? – даже не пытаясь скрыть резкость, спросил он.

– В бюро ее высочества, – с готовностью ответила старуха. – Она хранит их в особом ящичке, о котором вторая фрейлина понятия не имеет.

Алексей хотел было сказать, что это подло – читать письма постороннего человека, отправленные другому постороннему человеку, – но вспомнил, кто он сам, с кем разговаривает, для чего его прислали в этот мирный французский городок, и промолчал.

Нет, ему явно не к лицу было читать проповеди.

– А ее высочество... Я хочу сказать, разве она не заметит...

– Нет, – коротко ответила Голикова. – Ее высочество вернется с прогулки не ранее семи. До семи вы успеете их просмотреть?

Алексей ответил сквозь зубы: «Несомненно» – и протянул руку за письмами. Маленький сверток, пахнувший фиалковыми лепестками (наверное, они хранились в том же ящичке), лег в его руку.

– Я бы хотел сам просмотреть их, – проговорил Алексей, не глядя на фрейлину. – Это дело... оно очень щекотливое и совершенно особенное.

Он и сам не заметил, как перешел на язык незабвенного графа Чернышёва.

– Я вас оставляю, – учтиво промолвила Голикова, приседая. – Так до семи, cher neveu⁸.

Она сделала еще один реверанс и скрылась за дверью.

Алексею хотелось выругаться, и он выругался. Но письма были у него, и другого выхода, кроме как ознакомиться с ними, у него не имелось.

Посмотрев на изящные бронзовые часы с херувимами, стоявшие на камине, офицер убедился, что у него в запасе час и десять минут. Преодолев себя, Алексей сел за стол, взял верхнее письмо и вытянул из конверта маленький белый листок.

Почерк Эльстона – грубый и при этом с множеством вычурных завитушек – ему не понравился, но стиль не понравился еще сильнее. Пышные, жеманные фразы следовали одна за другой, придаточные предложения наступали друг другу на пятки, и уловить истинный смысл написанного было весьма и весьма нелегко.

«Ваша ангельская доброта»... «Ваше отзывчивое сердце»...

Наконец Алексей понял, что речь шла о собаке Эльстона, которая невзначай забралась в соседний сад, принадлежавший княжне, и наделала там переполоху. С этого и началось знакомство Александры Михайловны и мнимого австрийца.

Каверин развернул следующее письмо. Стало быть, снова они встретились у мадам де Сен-Люк на вечере, где представляли живые картины.

«Вы столь же добры, сколь и прекрасны...»

Глупец, в бессильной злобе подумал Алексей, какой глупец! Вот из-за этих вежливых и, в сущности, ничего не значащих фраз мне и придется убить тебя, как куропатку!

Третье письмо. «Я рад, что мой подарок пришелся вам по душе...» Подарком была шкапулка из слоновой кости.

Четвертое письмо. «Ваши глаза сияют, как звезды, во мраке моего существования...»

Пятое: «Вы – принцесса моих грез. Я знаю, что надеяться мне не на что, но все же надеюсь...»

Шестое: «Я понимаю, что нам суждено быть только друзьями». Седьмое: «Из всех дам, присутствовавших в театре, вы были самой прекрасной, вы затмили их, как солнце затмевает бледные светила...»

Н-да-с. Ну, раз уж дело дошло до солнца, придется мне, милый мой, и вправду тебя убить, тут уж ничего не попишешь.

Алексей просмотрел оставшиеся письма. В сущности, все они были повторениями предыдущих. Каверину они показались претенциозными и неискренними, но он знал, что на молодую, легко возбудимую натуру они оказали бы совсем иное действие. Ведь княжна бережно хранила их в потайном ящичке своего бюро, о котором так пронюхала пронырливая Варвара Федотовна, и писала на них ответы.

Без десяти семь фрейлина заглянула к своему «племяннику», и тот молча вручил ей письма, сложенные в том же порядке, в котором он их получил.

– Вы прочли? – не удержалась старая доносчица. Ее глаза горели любопытством.

– От первого до последнего слова, – холодно ответил Каверин, не желая вдаваться в подробности.

– И каково же ваше мнение обо всем этом?

Алексей усмехнулся, и, заметив эту усмешку, Варвара Федотовна невольно насторожилась. Точно так же усмехался ее отчим, который бил ее мать смертным боем во все время их недолгой женитьбы.

– Я полагаю, вы поступили совершенно правильно, сударыня, отписав обо всем куда следует. Теперь этим делом займусь я, а господин Эльстон очень скоро пожалеет, что затеял все это.

⁸ Дорогой племянник (*франц.*).

– Я на вас рассчитываю, сударь, – серьезно сказала Голикова.

– Я счастлив это слышать, Варвара Федотовна. Всегда к вашим услугам, дорогая... теть. Фрейлина вышла. Алексей вздохнул, потянулся, лег на кровать и поудобнее устроился.

«Так, с этим делом все ясно: Полина оказалась неправа. Интересно все-таки, что тут делает Видок? Правду он сказал нам о своем расследовании или нет? Неужели он всерьез думает, что можно найти хоть что-то, да еще спустя почти полвека?»

Когда Жанна через полчаса заглянула к Алексею, чтобы узнать, не нужно ли ему чего-нибудь, он уже крепко спал.

Во сне ему привиделся Видок, который бегал по Парижу с огромным пистолетом в руках. За ним в свою очередь гонялись преступники, но он ловко хватал их за шиворот и засовывал в шкатулку из слоновой кости, которую извлекал из кармана. Потом он выстрелил в Каверина, достал шкатулку и открыл ее. Внутри лежала груда бриллиантов. Видок разразился демоническим хохотом, проглотил их и удрал в подземный ход. Фалды его фрака летели за ним по ветру, как два воздушных змея.

* * *

Великая княжна Александра Михайловна села за фортепьяно и откинула крышку. Мгновение – и из-под ее пальцев потекла восхитительная соната, рекой божественных звуков растекаясь по комнате, всей вилле и прилегающему саду.

Фрейлина Голикова тихо застонала. Все утро у нее болела голова, а от музыки боль стала еще сильнее. Наверняка противная девчонка села играть нарочно, чтобы досадить ей, Голиковой. Так оно, в сущности, и было. Посреди труднейших пассажей княжна нет-нет да и поглядывала на фрейлину: что, проняло тебя, старая чертовка?

У княжны были свои основания злиться на Варвару Федотовну. Вернувшись с прогулки, княжна заглянула в бюро и заметила, что письма Эльстона лежат в ящике не так, как обычно. Она сразу же догадалась, кто рылся в ее вещах, и теперь наслаждалась маленькой домашней мстью. Аллегро, аллегро! Ах, у Варвары от огорчения даже нос стал красным! Ну-ка, еще громче, еще выразительнее!

– Ах, ваше высочество! – простонала Варвара Федотовна, изнемогая. – Как вы дивно... восхитительно играете!

Княжна в ответ только лукаво улыбнулась. Несчастливая фрейлина тихо сползла с банкетки и поспешила к дверям. У нее возникло впечатление, что голова вот-вот разлетится на миллион кусков.

Княжна закончила сонату и начала играть ноктюрн Шопена.

– Жанна! – неожиданно позвала она.

Горничная, протиравшая пыль в соседней комнате и через полуоткрытую дверь слушавшая игру молодой хозяйки, немедленно явилась на зов.

– Да, ваше высочество?

– Мадемуазель Полина еще не вернулась? Она обещала привезти от мадам Лантелин шелк для вышивания.

– Нет, ваше высочество, ее еще нет.

– А как там наш гость? – осведомилась княжна безразличным тоном.

– Молодой офицер? – уточнила Жанна. Она подумала и сказала: – По-моему, он всем доволен.

– Жанна, я не об этом, – сказала Александра. – Какое впечатление он на тебя произвел?

– Он гораздо приятнее своей тетки, – решительно сказала Жанна, настрадавшаяся в свое время от придирок Варвары Федотовны. – Но у него грустные глаза.

– Правда? – заинтересовалась княжна. – А я и не заметила. Что он сегодня делал, ты не знаешь?

– Утром гулял немного, потом был на конюшне, смотрел лошадей. Ему понравился Сомерсет, тот, который в яблоках.

– Сомерсет совсем дикий, – недовольно заметила княжна. – И вообще плохо объезжен.

– Не знаю, – беспечно сказала Жанна, – но с офицером был как шелковый. Даже конюх удивился.

Ноктюрн меж тем уже успел сбиться на какой-то невнятный прелюд. Княжна заметила это и рассердилась на себя.

– Можешь идти, – сказала она горничной.

– Да, ваше высочество, – ответила Жанна, приседая.

«Мало ей мсье Эльстона, – подумала она, выходя из комнаты, – так теперь еще офицера подавай! Какая вы кокетка, ваше высочество!»

В своей комнате Алексей достал шпагу и повертел рукой так и эдак, прилаживаясь к эфесу. Издалека до него доносилась мелодия – кто-то играл на фортепьяно. Каверин опустил руку и заслушался. Он догадался, кто сидит за инструментом. Закончив ноктюрн, княжна неожиданно принялась за бравурную мелодию польки.

«Жаль ее, жаль, – думал охваченный смятением Алексей. – Первая влюбленность, юг, ощущение свободы вдали от родителей, от постылого двора... Даже босиком можно ходить, когда старая фрейлина не видит. (Он улыбнулся, вспомнив, в каком виде встретил вчера княжну.) А я должен убить его. Это разобьет ей сердце, бедняжке... Но – приказ есть приказ, тут уж ничего не поделаешь».

Он вложил шпагу в ножны и убрал ее с глаз долой. Теперь он почти жалел, что больше не находится на Родосе, где его на каждом шагу могли подстеречь и зарезать. Там игра велась хотя бы честно. Он был с опасной миссией в опасной стране, он выполнял свой долг, и если бы выполнил его плохо, ему пришлось бы пенять на себя. А здесь ему не приходилось, в сущности, ничем рисковать. Все предельно просто. Приехать, разобраться на месте и при малейшем подозрении – уничтожить. Сегодня вечером они встречаются за картами, и сегодняшний вечер решит судьбу Эльстона, – хотя сам Эльстон еще не подозревает об этом. Да, сегодня вечером...

Глава седьмая, в которой двое воспитанных людей договариваются, как им уладить разногласия

– Вы, кажется, незнакомы, господа... Полковник Вадье. Господин Каверин, русский офицер.

– Рад познакомиться с вами, мсье... Поправляете здоровье?

– Некоторым образом.

У полковника, пожилого плешивого мужчины с мясистым лицом, украшенным седой щеткой усов, оказалось на редкость крепкое рукопожатие.

– Милости просим в нашу компанию... Это Лабрюни, доктор.

– С доктором мы уже знакомы, – заметил Алексей, отвечая на поклон вертлявого человека.

– Мсье Майель... Граф де Сен-Люк... Господин Мертелли из Венеции...

Алексей кивал, улыбался, жал руки. Все эти лица были для него лишь скучной декорацией к основному сюжету драмы, который вел черноволосый самодовольный Эльстон, стоявший в нескольких шагах от него.

Были здесь и дамы – провинциальные сильно подержанные кокетки, как их определил про себя Каверин, пара перезрелых девиц на выданье, две-три болтливые старухи в чепцах по моде Ancien Régime⁹, а то и Louis Quatorze¹⁰. Девыцы поглядывали на Алексея с интересом, кокетки – с еще большим интересом, но ему не было дела ни до тех, ни до других.

«За картами часто вспыхивают ссоры... Придраться к пустяку, а потом... На позицию, господа! Шпаги. Секунданты. Доктор – тот же Лабрюни, например. Нет, Лабрюни не годится, еще разболтает. Шаг в сторону, финт и точный удар. Мгновенная смерть. Мучиться он не будет. Да, письма... Письма, которые княжна писала Эльстону и которые Чернышёв приказал изъять и доставить в Париж, барону М. Ничего, выкупим у слуги Эльстона, вряд ли тот будет возражать. Вот только собаку Эльстона жалко. Останется, бедная, без хозяина, кто ее к себе возьмет? Умрет, наверное, с горя. С преданными собаками такое часто бывает...»

Одна перезрелая девица села за фортепьяно, другая затаила дурную пародию на арию. Алексей слушал, нацепив на лицо маску вежливого восхищения. Та, что за фортепьяно, старалась изо всех сил, инструмент кряхтел и стонал, но все же – как далеко было им обоим до искрометного исполнения великой княжны этим утром, как далеко! Дистанция огромного размера...

Аплодисменты. Престарелая дама роняет слезу. Другая, ее подруга, безмятежно храпит, склонив голову в чепце набок. Родос, Родос, хочу на Родос, где горы, и развалины рыцарских замков, и ослики с кроткими глазами, и небо синее сапфира.

– Вам понравилось, мсье? – спрашивает Эльстон.

– Я восхищен, – отвечает Алексей не моргнув глазом.

Хозяин дома потирает руки. Эге! Похоже, скоро сядем за карты.

– Не перекинуться ли нам в карты, господа? – спрашивает полковник Вадье. – Вы играете, господин офицер?

– Почту за честь составить вам компанию, – отвечает Алексей, кланяясь.

Доктор Лабрюни оживляется, едва заслышав о том, что будут играть. По повадкам Каверин чует в нем заядлого картежника.

⁹ XVIII в. (до революции).

¹⁰ Людовика Четырнадцатого (конец XVII – начало XVIII в.).

– Я с вами, господа, – восклицает доктор, – я с вами!

И маленькая компания, возглавляемая полковником Вадье, удаляется в гостиную на втором этаже. Вместе с Вадье уходят доктор, Эльстон, Каверин, мсье Майель, пузатое недоразумение в человеческом облике, и еще двое гостей.

"Прекрасно, – думает Алексей, – чем больше свидетелей, тем лучше».

Лакей приносит в уютную гостиную большие подсвечники, и на стенах оживают гротескно-устрашающие тени присутствующих. Каверину на мгновение чудится, что он разглядел среди теней силуэт странного существа в балахоне и с косою в руке, но он одергивает себя, понимая, что это лишь его разыгравшаяся фантазия. «Видок сказал бы, что у меня чересчур много воображения... Ну и пусть».

– Играем, господа! – торжественно провозглашает полковник Вадье.

Его лысина отсвечивает розовым в трепетном пламени свечей. Этот совершенно заурядный с виду человек неожиданно становится большим и важным, как какой-нибудь индийский будда. В его лице появляется неизвестно откуда взявшаяся властность, движения становятся скупыми и значительными.

– Ваши ставки, господа...

Карты розданы. Золотые монеты с глухим стуком ложатся на покрытый сукном стол. «Интересно, почему я так спокоен?» – размышляет Алексей. Ему приходилось в своей жизни видеть достаточно людей азартных, да и сам он, пожалуй, был человеком с горячей кровью. Однако карты не будоражили его, не будили волнения, – скорее даже наоборот: при виде их он становился сосредоточенным и собранным. Никакой комбинации – ни той, что сулила полное поражение, ни той, что гарантировала верное богатство, – не удавалось вынудить его пульс биться хоть чуточку быстрее. Каверин был для них недосягаем, и все тут.

Он сделал ход – вполне обычный, вполне благоразумный при пришедшей к нему сдаче – и поглядел на доктора. Тот мучительно обдумывал, какой картой пожертвовать, и даже мелкие бусинки пота выступили на его покато, морщинистом лбу. Нет, этого Алексей решительно не понимал. Он отвел глаза и поймал взгляд Эльстона, который исподтишка следил за ним. Это маленькое открытие неприятно поразило Каверина. «Уж не подозревает ли Эльстон чего-нибудь? – спросил он себя, а потом: – Но откуда он может знать?»

– Ну так как же, господин доктор? – спросил Вадье, деликатно покашливая.

Лабрюни наконец решился. С видом мученика он метнул на стол червонную даму. Игра продолжалась.

Алексей проиграл, потом выиграл. В половине шестого выбыл первый игрок, за ним, сославшись на неотложные дела, поднялся с места и мсье Майель. За игральным столом оставалось пять человек. Пару раз заходила полковница, госпожа Вадье, и тактично удалялась. Каверин решился на рискованный ход. К счастью, его никто вовремя не раскусил, и молодой человек сорвал банк.

– Однако, – сказал обескураженный полковник, – это было сильно!

– Да вы везунчик, мсье! – заметил доктор Лабрюни. Судя по его разгоряченному, покрасневшему лицу, он отдал бы в это мгновение всех своих пациентов, свой университетский диплом и все клистиры, которые он когда-то ставил знаменитой герцогине Б., только чтобы оказаться на месте Алексея.

– Говорят, везет в картах – не везет в любви, – с улыбкой заметил Эльстон, и это оказалось большой ошибкой с его стороны.

Всю игру Эльстон молчал, раскрывая рот лишь для того, чтобы объявить очередной ход, и Каверин уже отчаялся найти какой-нибудь повод, чтобы прицепиться к чертовому фату и, раздув ссору, вызвать его на дуэль. Но тот вел себя в высшей степени благоразумно, а игра его тоже оказалась безупречной. Если бы он плутовал, передергивал или использовал хоть какие-нибудь трюки из богатейшего арсенала шулеров, Алексей мигом раскусил бы их и раздул бы

неслыханный скандал; но тут ему не повезло. Эльстон казался на редкость честным, спокойным и положительным молодым человеком, с которым и поспорить-то толком не из-за чего. Поэтому, услышав совершенно общую фразу, которую, однако, можно было истолковать по своему усмотрению, Каверин воспринял ее как дар свыше и незамедлительно вцепился в нее.

– Прощу прощения? – спросил он учтиво-холодным тоном, который в свете означает, что собеседник сморозил немыслимую глупость. Таким же тоном, наверное, реагировал бы Онегин на сообщение, что Татьяна все-таки решила бросить мужа и переехать к нему.

Эльстон перестал улыбаться и с удивлением взглянул на него.

– Это такая поговорка, мсье, разве вы не знаете?

– Я не об этом, – еще холоднее промолвил Алексей. – Извольте объясниться, на что вы только что намекали, мсье.

Полковник Вадье нахмурился. Уже одно слово «намекали» порождало в его душе нехорошие предчувствия, – а в XIX веке это слово значило отнюдь не то же, что теперь.

– Господа, – попробовал было вмешаться доктор, – может быть, нам лучше выпить? Мускату, например...

– Я ни на что не намекал, – бросил Эльстон Каверину. – Я просто сказал то, что пришло мне в голову. Вот и все.

– В самом деле? – вкрадчиво осведомился Алексей. – Интересно, почему вам пришло в голову именно это?

Эльстон покраснел.

– Странный вопрос! – вспыхнул он.

– Не менее странный, чем ваше замечание, мсье, – парировал Каверин. Он чувствовал себя в ударе. Похоже, он наконец на верном пути.

– Я не обязан давать вам отчет в моих словах, сударь, – осадил его Эльстон.

– А я не обязан терпеть ваши оскорбления, – тут же нашелся Алексей.

– Но у меня и в мыслях не было вас оскорбить! – защищался Эльстон.

«Ага, пошел на попятную. Испугался», – сообразил Каверин.

– Однако же вы это сделали, – наседал он, – и поэтому я требую извинений.

Эльстон вспыхнул.

– Не вижу причин, почему я должен извиняться перед... перед... – он искал подходящие слова и не находил.

– Господа, – мягко вмешался полковник, – простите меня, но вы, по-моему, ступаете на очень зыбкую почву. Мсье Эльстон и в мыслях не имел вас обидеть, господин офицер.

– Мсье Эльстон, – повернулся к полковнику Алексей, – позволил себе нелестный намек, который слышали все присутствующие. Поэтому я не уйду отсюда, пока не услышу от него извинений.

– А по-моему, вы просто не в своем уме, – бросил Эльстон высокомерно.

Доктор Лабрюни испуганно замер. Каверин, осознавая всю важность момента, очень медленно поднялся с места.

– А вот это, – сладко пропел он, сузив глаза, – уже серьезно, мсье.

– В самом деле, – решительно сказал полковник. – Такие слова людям чести не говорят.

Сам бывший военный, он мгновенно встал на сторону Каверина. «Отличный секундант», – мелькнуло в голове у офицера. Доктор Лабрюни только вздохнул и укоризненно покачал головой.

– Будьте уверены, – промолвил Эльстон, очень бледный, – я сумею ответить за свои слова.

– Вот и прекрасно, – процедил Алексей. – Полковник, вы свидетель, что мне было нанесено оскорбление. Мне очень жаль, что это должно было произойти именно под крышей вашего дома, но ни вы, ни я ничего не можем с этим поделать.

Эльстон помрачнел.

– Как оскорбленная сторона, вы вправе выбирать оружие, – напомнил полковник.

– Шпаги, – ответил Каверин. – Встречаемся завтра утром, в семь часов. Кроме того, поскольку я посторонний в этом городе, я никого не знаю здесь... я прошу вас оказать мне честь быть моим секундантом и проследить, чтобы все происходило по правилам.

Полковник Вадье чопорно поклонился.

– Можете положиться на меня, мсье.

Он выпрямился и подкрутил усы.

– Мсье Эльстон? – спросил он.

– Это какое-то ужасное недоразумение, – устало промолвил тот. – Хорошо. Я попрошу дю Трамбле быть моим секундантом.

– Прекрасно, – одобрил полковник. – А как насчет доктора?

Все взоры невольно обратились к Лабрюни. Тот заметно смешался.

– Право же, господа... У меня нет необходимого опыта...

– Бросьте, Лабрюни, – добродушно промолвил полковник. – Лично я живу в этом городке уже двадцать лет и могу с чистой совестью засвидетельствовать, что вы являетесь лучшим врачом на сто лье в округе. Составите нам завтра компанию? Я мог бы попросить Гужона, но он такой сухарь... С вами мне будет спокойнее.

– Ну что ж, – нехотя промолвил Лабрюни, – раз вы так считаете... Хорошо.

Вадье обернулся к пятому игроку, фамилию которого Алексей не запомнил. Это был рябой, невзрачный человек с крупно вырезанными ноздрями. Сидевший на нем сюртук был ему явно великоват.

– Мсье дю Плантье, мы рассчитываем на вашу скромность. В делах такого рода вовсе не обязательно, чтобы все вокруг знали о том, что готовится. Лишние толки совершенно ни к чему.

– Будьте спокойны, мсье, – сипло отвечал рябой дю Плантье. – Я не скажу ни слова ни одной живой душе.

Полковник Вадье важно кивнул.

– Вот то-то же. Сегодня я встречу с дю Трамбле и обо всем условлюсь. А господам перед встречей я рекомендовал бы хорошенько выспаться.

Алексей молча кивнул и стал собирать свой выигрыш. Самая тягостная часть его работы осталась позади. Теперь надо только филигранно завершить дело, и можно возвращаться домой.

– До свидания, господин полковник, и спасибо за чудесный вечер, – сказал он. – До скорого свидания, мсье Эльстон, – многозначительно добавил он.

Эльстон метнул на него хмурый взгляд и отвернулся. Каверин и доктор удалились. Им было по дороге, и, кроме того, Алексей хотел попросить Лабрюни ничего не говорить великой княжне. Но Лабрюни не стал даже заходить на виллу, а просто попрощался с офицером и зашагал своей дорогой.

Примерно в то же самое время рябой человек, одетый в дурно сидевший на нем сюртук, сел в простую карету без гербов на дверцах. Внутри было довольно темно, и оттого дю Плантье не видел лица того, кто сидел в карете.

– Ну что? – осведомился его собеседник глухим низким голосом.

– Все, как вы и думали, патрон, – доложил дю Плантье почтительно. – Он поссорился с Альфредом за картами и вызвал его на дуэль.

– Когда встреча? – проворчал невидимый.

– Завтра утром в семь часов.

– Пфу! Больше ничего?

– Нет, патрон. То есть да. Я проиграл шестнадцать луидоров.

– Наверняка не шестнадцать, а шесть. Хорошо, Жако. Ступай.

- А как же дуэль, патрон? Что с ней делать?
- Ничего. Да и смотреть там будет не на что. Мсье Эльстон быстро перенесется на небеса, вот и все... Ты пробовал подкатиться к служанке?
- Жанне? Пробовал.
- Ну и как?
- Без успеха, патрон. Похоже, что у меня внешность не очень...
- Не только внешность... Ладно, это я так. Иди.
- С Жанной продолжать работу?
- Конечно. За что я тебе плачу?
- Рябой кивнул и вышел из кареты.
- Трогай, – приказал кучеру глухой голос.
- Лошади застучали подковами по мостовой. Человек в карете поставил свою трость вертикально и положил обе руки на набалдашник, после чего уперся в них подбородком. Мимо неспешно протекали дома Ниццы.
- Да, – промолвил человек наконец, – это будет нелегко.

Глава восьмая, в которой поет соловей, а Алексея одолевают сомнения

Алексей поднялся в шесть часов утра. Накануне он предупредил Григория, что ему придется встать рано, и вскоре слуга внес к нему завтрак на подносе. Молодой человек немного поел, – самую малость, чтобы не чувствовать голода. Набивать желудок перед дуэлью – последнее дело, потому что сытый человек движется тяжелее, следовательно, у него больше шансов больше никогда не завтракать, не обедать и не ужинать.

– За мной должен заехать полковник Вадье, – сказал Алексей. – Предупреди меня, когда он появится.

– Как прикажете, Алексей Константинович, – сказал слуга. – Вы с полковником собираетесь на охоту?

Алексей рассеянно улыбнулся.

– На охоту? Что ж, можно сказать и так...

В доме было непривычно тихо. Обычно Варвара Федотовна металась по комнатам, хлопала дверями, отдавала приказания, а теперь царила сонная, ленивая тишина.

– Никто еще не встал? – спросил Каверин.

– Только ее высочество.

– А, – только и сказал Алексей.

Интересно, с чего бы ее изнеженному высочеству вставать ни свет ни заря? Уж не подложил ли ему любезник Эльстон какую-нибудь свинью?

Встретившись, Алексей вызвал Жанну и спросил у нее, чем занимается ее хозяйка и почему она уже на ногах.

– Ее высочество часто так делает, – пояснила Жанна, кокетливо глядя на статного молодого человека. – Они и мадам Барбара не очень ладят. Поэтому ее высочество рада любой возможности побыть в одиночестве.

– А как же вторая фрейлина, мадемуазель Полина? – поинтересовался Алексей. – Я думал, ее высочество считает ее подругой.

Жанна тщательно разгладила складку на платье.

– Конечно, сударь, – сказала горничная, – но дружба тех, кто друг другу не равен, всегда имеет пределы.

Так, ваше превосходительство, спасибо за ценный совет. Действительно, нет ничего такого, что бы о нас не знали наши слуги.

– Можете идти, Жанна, – сказал Алексей.

Он отпустил и Григория и, посмотрев на часы, от нечего делать прошелся по комнате, заложив руки за спину. В саду запел соловей.

"Может быть, – подумал охваченный смятением Алексей, – это последний раз, когда я слышу пение соловья в своей жизни... Ведь я не навел справок об Эльстоне. Вдруг он бретер, каких поискать, и владеет шпагой не хуже меня... Но почему же он тогда пытался уклониться от поединка?». "

Он заслушался и не заметил, как приехала карета.

– Господин полковник прибыл, – доложил Гришка.

Чувствуя в душе щемящее сожаление, Каверин отошел от окна. Соловей все пел, когда он вышел в сад. Листья и чашечки цветов были тяжелыми от росы, которая сказочно переливалась на солнце.

Из-за поворота аллеи вышла Александра Михайловна в голубом платье, с небрежно заколотыми волосами. В руках ее трепетал большой букет.

Княжна и Алексей едва не столкнулись. Она заметно смутилась. Он – тоже, хотя и по другой причине.

– Доброе утро, ваше высочество, – промолвил Алексей, учтиво поклонившись.

– Доброе утро, – нервно повторила она по-французски.

Вблизи она показалась ему еще более хорошенькой, чем всегда. Но, непонятно почему, ему стало бесконечно жаль ее, и он не смог заставить себя проговорить ни одну из требуемых этикетом малозначительных любезностей. Вместо этого он сказал:

– Я и не знал, что у вас в саду живет соловей.

– Правда? – обрадовалась она. – Вы слышали? А мы уж решили, что он улетел. Он так давно не пел!

Ее глаза заблестели, в голосе звучал искренний восторг. Было видно, что она не притворяется и что маленькая певчая птичка и в самом деле многое для нее значит. У Алексея сжалось сердце. А что же для нее значит тогда этот приторный парижский бездельник? Уж наверное, куда больше, чем соловей.

– Я прошу ваше высочество извинить меня, – нервно проговорил Каверин. – Меня... мне надо идти. Меня ждут. До свидания.

– До свидания, сударь, – сказала княжна.

Она смотрела, как он идет по дорожке к калитке, и Алексей спиной чувствовал ее взгляд. Он был рад, когда наконец смог сесть в карету.

– Доброе утро, полковник, – сказал он. – Все улажено, я надеюсь?

Вадье важно наклонил свою плешивую голову.

– Да, мсье. Нас ждут.

* * *

Это была большая светлая поляна. Позже Алексей вспомнил, что неподалеку росли кипарисы и, кажется, платаны, но за последние он не смог бы поручиться.

Полковник и Каверин прибыли первыми. Через несколько минут явился доктор, а за ним – дю Трамбле и Эльстон, который, как показалось офицеру, нервничал куда больше обычного. Дю Трамбле было лет сорок пять. Этот флегматичный, бородатый, невысокий человек представился Алексею и спросил, не хотят ли противники помириться.

– Нет, – сказал Каверин, не двинув бровью.

– Нет, – как эхо, откликнулся Эльстон.

Вадье принес шпаги. Алексей с его помощью снял фрак и жилет, которые в предстоящей схватке ему бы только помешали. Настроение у молодого человека было ровное и, пожалуй, самую чуточку бесшабашное. Он взял шпагу и повертел рукой так и эдак, чтобы привыкнуть к эфесу.

– Хорошее оружие, – сказал он Вадье. Тот, польщенный, кивнул.

Доктор сел на пень, сорвал травинку и стал ее покусывать. Было заметно, что он встревожен больше всех, исключая, пожалуй, Эльстона, который только что освободился от фрака и жилета и взял оставшуюся шпагу. Каверин, с вызовом глядя на этого трясущегося жалкого фата, несколько раз со свистом рассек лезвием воздух.

– Поздравляю вас, сударь, – неожиданно сказал Эльстон. – Я в восхищении.

– Неужели? – спросил Алексей, даже не давая себе труда скрыть сквозившую в голосе иронию.

– Вы нашли прекрасный повод для дуэли, – продолжал Эльстон. – Не сомневаюсь, начальство будет вами весьма довольно.

– Не понимаю, о чем вы, – бросил Каверин, нахмурившись.

– Вы ведь не просто так вчера затеяли со мной ссору, – бесстрашно продолжал Эльстон. Теперь он в упор глядел на Алексея, и тому не оставалось ничего другого, как опустить глаза. – Все поверили в это, но не я. Вам приказали вызвать меня на дуэль под любым предлогом и убить. Не так ли, милостивый государь?

Тон его сделался почти вызывающим.

– Вы бредите, – проговорил Алексей, призвав на помощь все свое самообладание.

– Кто, я? – возразил Эльстон. – Ничуть. Я знаю, кто я, и знаю, кто вы. Я – человек, посмевавшийся полюбить девушку, которая для него не предназначена. А вы... – Он усмехнулся и смерил Каверина презрительным взглядом. – Вы называете себя русским офицером. Да разве вы офицер? Вы обыкновенный наемный убийца, которого подослал могущественный деспот, чтобы...

– Замолчите! – прошипел Алексей. – Я не желаю... Я запрещаю вам говорить со мной в таком тоне!

Эльстон смело вскинул голову.

– А я плевать хотел на ваши запрещения, – отозвался он. – Слышите? Два раза вы все равно меня не убьете. Но, даже если вы убьете меня, вам все равно ничего не поделать с моей любовью. Вы знаете, о ком я говорю. Так вот: даже ради спасения своей души я не смог бы от нее отречься. Вам этого, конечно, не понять, – прибавил он с презрением. – У вас есть приказ, а приказы надо исполнять. Только не думайте, что вам удалось обмануть меня, что я глуп и поверил в вашу жалкую уловку. Я знал, что этим рано или поздно кончится, но я не боюсь вас. Слышите? Не боюсь! Потому что за все в этом мире приходится платить, и жизнь – слишком ничтожная плата за такую любовь. Так делайте свое черное дело, вы, презренный человек, и радуйтесь, что вас для него избрали!

– Господа, – недовольно вмешался бородатый дю Трамбле, – что за разговоры между противниками?

– Так, пустяки, – процедил Эльстон и отсалютовал шпагой Алексею, после чего отошел назад. Каверин застыл на месте, сжимая в руке клинок. Бесстрашие Эльстона, его непоколебимость и то, как легко он разгадал его, Алексея, – все вместе произвело на молодого человека самое странное впечатление. Душа его разрывалась напополам.

– Начнем? – спросил полковник Вадье, поглядывая на часы, прикрепленные цепочкой к жилету.

– Да, пожалуй, – согласился дю Трамбле. – На позицию!

Противники вышли на середину поляны. На душе у Алексея было тяжело как никогда, Эльстон же шагал с решимостью отчаявшегося человека.

– Шпаги! Начинайте!

Алексей напал, но не слишком стремительно. Эльстон парировал. «Неплохо владеет шпагой, – мелькнуло в голове у Каверина. – Но я все равно сильнее».

Он перешел в наступление и отогнал Эльстона назад, дважды задев его кончиком шпаги. Пролилась кровь, но, по счастью, это были лишь пустячные царапины.

– Хорошо фехтует, – одобрительно промолвил полковник.

– Недурно, – сдержанно согласился дю Трамбле.

Доктор Лабрюни заерзал на пне. В глубине души он до конца надеялся, что эта дуэль окончится ничем. Противники принесут друг другу извинения, пожмут руки и мирно разойдутся. Но о «мирно разойдутся» теперь не могло быть и речи.

– Надеюсь, вам хорошо заплатят за вашу работу, – сказал Эльстон, чудом ускользнув от смертельного удара. – Мне было бы весьма огорчительно, если бы мою голову дешево оценили.

Алексей промахнулся, и Эльстон, воспользовавшись этим, полоснул его по плечу.

– Я думаю, вас даже повысят в звании, – продолжал Эльстон как ни в чем не бывало. – Вы достойный противник, мсье, и вполне этого заслуживаете. Хоть и наемный убийца.

– Я не... – начал Алексей в ярости. Он провел серию коротких стремительных приемов, заставивших Эльстона уйти в глухую защиту.

– Я знаю, знаю, – проговорил Эльстон. – Вы честный человек, и вам не в чем себя упрекнуть. Полно, сударь, вы принимаете меня за кого-то, кем я не являюсь.

– Вы сами виноваты в том, что произошло, – ответил Алексей. – И больше ничьей вины тут нет.

Он снова промахнулся. Эльстон легко парировал и бросился в нападение, но длилось это недолго – до очередного ранения, на этот раз серьезного. Кровь полилась ручьем.

– Ого! – беззаботно воскликнул Эльстон, как будто ранен не он, а кто-то другой. – Становится занятно, вы не находите, сударь?

– Сдавайтесь, – сквозь зубы промолвил Алексей, – и я сохраню вам жизнь.

– Мне – сдать? – насмешливо спросил Эльстон. – Вы плохо меня знаете, сударь.

Он остановился, тяжело дыша, и переложил шпагу в левую руку. Каверин ему не препятствовал.

– Ну и что теперь? – спросил Эльстон. Правый бок у него был весь в крови. Эльстон дотронулся до него рукой и, поморщившись, взглянул на покрасневшую ладонь. – Хороший удар, мсье, – сказал он просто.

– Сдавайтесь, – настойчиво повторил Алексей. – Вы не можете больше драться.

– Благодаря вам, – ответил Эльстон с иронией.

Доктор Лабрюни подошел к секундантам. Его лицо было искажено самым неподдельным страданием.

– Господа, – проговорил он умоляюще, – надо что-то делать. Мсье Эльстон еле держится на ногах. Он ранен...

Доктор Лабрюни по натуре был добряк. Стыдно признаться, но он не выносил вида крови, а чья-то боль заставляла его мучиться ничуть не меньше, чем собственная. Может быть, именно поэтому он и сделался первоклассным врачом.

– Ого, – промолвил Эльстон. – А доктор-то не на шутку встревожен.

Алексей непроизвольно повернул голову в сторону. В следующее мгновение у его груди словно мелькнула стальная змея, и он почувствовал резкую боль. Потом кипарисы зашатались и поплыли вверх, а небо опрокинулось вниз. Больше Алексей Каверин ничего не видел и не слышал.

Глава девятая, в которой Алексей бредит, а облако жасмина не на шутку сердится

Первое, что он увидел, открыв глаза, был какой-то причудливый предмет, посередине которого красовался белый круг. В круге плясали две черточки, и, когда бы он ни посмотрел на них, они неизменно занимали новое положение. Иногда, правда, они притворялись, будто утомонились, но стоило ему на мгновение отвлечься, как они опять начинали проказничать. Алексей пытался втолковать им, что так поступать не стоит, но они, похоже, вовсе не собирались слушаться. Это упрямое своеволие не на шутку огорчало его, – куда больше, чем незваные голоса, то и дело вступавшие между ним и мятежным кругом. У голосов были лица, но все какие-то плоские и невыразительные, как лепешки. Были у голосов и руки, иногда очень приятные, прохладные, которые ложились ему на лоб и приносили с собой какое-то странное облегчение. А еще голоса пахли. Один голос, мужской и низкий, – табаком, другой, женский и сострадающий, – жасмином, третий, нежный и полудетский, – фиалкой, а четвертый, визгливый и неприятный, – пылью. Жасминовый голос приходил довольно часто, и однажды Алексей ощущал его возле себя целый день. Фиалковый почти все время находился где-то рядом, а табачный то приходил, то уходил, и вообще, странный это был голос, ничуть не менее удивительный, чем белый круг с бегущими черточками. Последний голос, визгливый, пару раз прожужжал где-то в вышине да исчез. Алексей был этому рад. Он уже понял, что не любит этот голос, совершенно лишний в его мире, где властвовали прохладные ладони и фиалка с жасмином. Главное теперь было – призвать к порядку черные черточки, но они дразнились, и прыгали, и совсем не считались с Алексеем. Но в один прекрасный день он очнулся.

Он лежал на кровати, так туго забинтованный, что было трудно дышать. Тихо тикали бронзовые часы с фигурками амурчиков по сторонам круглого белого циферблата, но Алексей уже не помнил, сколько хлопот ему доставляли непослушные стрелки. Его кровать была как корабль, плывущий по морю изумительного покоя и одиночества, не требовавшего собеседника. Алексей не знал, что это море – часть его души, которая, постранствовав между миром мертвых и миром живых, все-таки решила вернуться в тело, но ему было очень хорошо. Он закрыл глаза – и погрузился в сон.

Ему приснилось, что он должен ехать на какой-то чрезвычайно важный полковой смотр, на котором обещал присутствовать государь. Алексей сел на коня в яблоках, как две капли воды похожего на Сомерсета из конюшни княжны, но, к его ужасу, тот расправил крылья и взлетел в небо. Внизу, на плацу, царила ужасная суматоха, и молодой человек не осмеливался даже поглядеть туда, а только пригнул голову да крепче вцепился в поводья. Он знал, что за ним гнались, но его конь летел так быстро, что преследователи скоро отстали. Из облака вышел портрет императора и погрозил ему пальцем, но, присмотревшись, Каверин понял, что это вовсе не портрет, а Эльстон.

– Бедный племянник! – сказал он противным плачущим голосом, до странности напоминающим голос Варвары Федотовны Голиковой.

– Какой я вам племянник! – с досадой сказал ему Алексей. – Вы украли принцессу грез, немедленно верните ее!

И тут Каверин понял, что это уже не Эльстон, а притихшая, печальная великая княжна. Ему показалось, что ее глаза занимают пол-лица, а под ними лежат голубоватые тени. Она серьезно смотрела на Алексея, не произнося ни слова.

– Отчего вы такая? – спросил он удивленно.

Фрейлина Голикова из-за плеча Александры Михайловны сделала страшные глаза. Каверин сморгнул, надеясь, что проклятая старуха рассеется, как дым, но не тут-то было. Крылатый конь в яблоках и небеса, по которым было так удобно скакать, исчезли, но и княжна, и фрейлина, и часы с амурчиками остались. Не сразу Алексей сообразил, что это уже не сон, а явь.

– Он пришел в себя, – сказала княжна, оборачиваясь к Варваре Федотовне.

– Но он бредит! – ужаснулась та. – Надо позвать доктора!

Княжна с укором посмотрела на нее и повернулась к Алексею.

– Как вы себя чувствуете сегодня, сударь?

Каверин сделал попытку сесть в постели, но у него так закололо в груди, что он вынужден был отказаться от этой идеи.

– Не очень хорошо, – со смешком ответил он. – Благодарю вас.

От сиреневого платья княжны пахло фиалкой. Странно, – прежде Алексей терпеть не мог этот запах, а теперь он почти ему нравился.

– Скажите, – несмело спросил Каверин, – я долго лежал?

Женщины переглянулись.

– Достаточно, – ответила княжна.

– Вы едва не погибли! – вскричала Варвара Федотовна. – Доктор сказал, это чудо, что вы не умерли после такого удара.

При этих словах Алексей окончательно вспомнил происшедшее, и это не замедлило отразиться на его лице. Губы молодого человека сжались, в глазах мелькнули нехорошие огоньки.

– А... мсье Эльстон? – сухо спросил он.

Княжна вскинула голову. Вдоль ее левого виска спадала тонкая развившаяся прядь.

– Он тоже был ранен, но не так серьезно, как вы. Мсье Лабрюни утверждает, что ему больше ничего не грозит.

"Ну, это пока я не встану на ноги», – мелькнуло в голове у Алексея. Он отличался крайней злопамятностью и никогда ничего не забывал – ни хорошего, ни дурного.

Должно быть, напоминание о поклоннице оказалось слишком неприятно для Александры Михайловны, потому что она поднялась с кресла и сказала светски-безразличным тоном:

– Прошу извинить, но меня ждут. Варвара Федотовна, можете немного побеседовать с племянником, но, прошу вас, недолго: ему пока вредно много говорить. Я пришлю Жанну, она пока побудет вашей сиделкой. Полина отдыхает, она и так сидела возле вас всю ночь.

Она хотела удалиться, но Алексей неожиданно схватил ее за руку. Княжна удивленно взглянула на него, но он лишь поднес к губам тонкие прохладные пальцы и быстро отпустил их.

– Благодарю вас, – проговорил он горячим шепотом, – вы очень добры.

Княжна слегка пожала плечами и вышла. «Тетушка» и «племянник» остались одни.

– Ах, сударь! – сказала Варвара Федотовна скорбно, качая головой. – Поверьте, мне очень жаль, что все так обернулось!

– Мне тоже, – совершенно искренне ответил Алексей. Чувство юмора не покидало его даже в самых безвыходных ситуациях.

– Мы все были просто убиты горем! – пожаловалась Варвара Федотовна тоном капризной девочки, получившей клубничное мороженое вместо обещанного шоколадного. – А каким это было потрясением для ее высочества!

Каверин сжал губы и ничего не ответил.

– Но ее высочество – настоящий ангел! Представьте, она сама вызвалась ухаживать за вами, хотя доктор и предупредил ее, что это может быть тяжело для неподготовленного человека. Она и вторая фрейлина дежурили возле вас по очереди.

«Только тебя почему-то не было», – подумал Алексей.

– Порой, дорогой племянник, – кокетливо прощепетала «тетушка», – вы были так плохи, что мы уж думали о том, чтобы звать священника. К счастью, самого худшего все-таки не

произошло. – Она придвинулась поближе к молодому человеку и зашептала: – Но мне-то, мне вы все-таки можете рассказать, что там у вас случилось? Почему вы не смогли убить Эльстона?

Алексей кисло улыбнулся.

– Очевидно, потому, дражайшая Варвара Федотовна, что сам Эльстон не пожелал мне в этом помочь.

– О! – сказала Варвара Федотовна обиженно и отодвинулась.

– Именно так. Кстати, вы не в курсе, сколько еще мне придется лежать в постели?

– Не меньше двух недель, – сказала Варвара Федотовна уверенно. – Так сказал доктор Лабрюни.

– Будем надеяться, что доктор окажется неправ. Что слышно об Эльстоне? Он по-прежнему в Ницце?

В глазах фрейлины мелькнул огонек понимания.

– Насколько мне известно, мсье Эльстон пока не собирается покидать свою виллу.

– Понятно. А великая княжна? Часто он с ней видится?

– За то время, что вы лежали в постели, – заметила Варвара Федотовна, улыбнувшись краями поблекших губ, – всего два раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.